

УДК 331.5:004.9:330.34

О.А. ЗОЛОТАРЕВА, доктор экон. наук,
профессор кафедры банкинга и финансовых рынков
Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

П.Д. ШИНКЕВИЧ

студент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Статья поступила 2.04.2026 г.

ВЛИЯНИЕ ДИСБАЛАНСА ESG-ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Цель статьи – проанализировать влияние дисбаланса ESG-факторов (преимущественное финансирование экологической компоненты в ущерб социальной) на социальные последствия технологической безработицы в условиях цифровой трансформации, а также предложить сценарный анализ для Республики Беларусь.

Материалы и методы. Теоретической основой послужил подход, предложенный Д. Асемоглу и П. Рестрепо, различающий эффекты вытеснения труда (*displacement*) и восстановления (*reinstatement*). Эмпирической базой стали данные Белстата. Использованы методы количественного анализа (расчет авторского индекса уязвимости (*Itech*) и сценарного моделирования).

Результаты. Доля рутинных и смешанных сегментов внутри нетрадиционной занятости составила 91,3%. Индекс уязвимости $Itech=0,48$ означает, что на 100 официальных безработных в Беларуси приходится 48 человек, занятых в уязвимых сегментах. Сценарный анализ показал, что сохранение ESG-дисбаланса ведёт к росту *Itech* до 0,8-1,0, поляризации доходов и социальной напряжённости, тогда как целенаправленная коррекция дисбаланса (увязывание «зелёного» финансирования с программами переобучения) стабилизирует *Itech* на уровне 0,4-0,5 и обеспечивает устойчивый рост без социальных издержек.

Заключение. ESG-дисбаланс не является первопричиной технологической безработицы, но выступает значимым институциональным фактором ее негативных последствий. Для Беларуси как социально-ориентированного государства рекомендуется включение социальных требований в критерии «зеленого» финансирования и осуществлять мониторинг «буферной зоны» занятости.

Ключевые слова: технологическая безработица, ESG-дисбаланс, подход, основанный на задачах, нетрадиционная занятость, индекс уязвимости, сценарный анализ, Республика Беларусь.

ZOLOTAREVA O.A., Doctor of Econ. Sc., Professor
Polesky State University, Pinsk Republic of Belarus

SHINKEVICH P.D.

Student
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

THE IMPACT OF ESG FACTORS IMBALANCE ON THE SOCIAL CONSEQUENCES OF TECHNOLOGICAL UNEMPLOYMENT

The purpose of this article is to analyze the impact of the imbalance of ESG factors (predominant funding of the environmental component at the expense of the social component) on the social consequences

of technological unemployment in the context of digital transformation, and to offer a scenario analysis for the Republic of Belarus.

Materials and Methods. *The theoretical basis is the approach proposed by D. Acemoglu and P. Restrepo, which distinguishes between the effects of labor displacement and reinstatement. Belstat data served as the empirical basis. Quantitative analysis methods (calculation of the author's vulnerability index (Itech)) and scenario modeling were used.*

Results. *The share of routine and mixed segments within non-traditional employment was 91.3%. The vulnerability index $I_{tech} = 0.48$ means that for every 100 officially unemployed in Belarus, there are 48 people employed in vulnerable segments. Scenario analysis showed that maintaining the ESG imbalance leads to an increase in I_{tech} to 0.8-1.0, income polarization, and social tensions, while targeted correction of the imbalance (linking «green» financing with retraining programs) stabilizes I_{tech} at 0.4-0.5 and ensures sustainable growth without social costs.*

Conclusion. *The ESG imbalance is not the root cause of technological unemployment, but it is a significant institutional factor in its negative consequences. For Belarus, as a socially oriented state, it is recommended to include social requirements in the criteria for "green" financing and implement monitoring «buffer zone» of employment.*

Keywords: *technological unemployment, ESG imbalance, task-based approach, non-traditional employment, vulnerability index, scenario analysis, Republic of Belarus.*

Введение. Цифровая трансформация, сопровождающаяся стремительным развитием искусственного интеллекта и автоматизацией производственных процессов, ведет к структурным сдвигам на рынке труда. Одним из наиболее острых проявлений этих сдвигов выступает технологическая безработица, выражающаяся в вытеснении работников, чьи навыки становятся избыточными, на фоне недостаточного темпа создания альтернативных рабочих мест.

В современной экономической политике одним из инструментов смягчения социальных последствий подобных изменений призвана стать ESG-стратегия (Environmental, Social, Governance). Сбалансированная модель ESG предполагает гармоничную реализацию экологических, социальных и управленческих факторов: «зеленые» инвестиции сопровождаются программами развития человеческого капитала, поддержкой занятости и социальной защиты. Но на практике наблюдается устойчивый дисбаланс в пользу экологической компоненты (E) в ущерб социальной (S). Экологические проекты дают более быстрые и измеримые результаты для отчетности, привлекают льготное финансирование, тогда как социальные инициативы требуют сложных институциональных изменений и часто остаются декларативными.

Мы не считаем, что дисбаланс ESG-факторов является первопричиной технологической безработицы, ее источник – объек-

тивные процессы цифровизации, однако этот дисбаланс существенно влияет на социальные последствия автоматизации, усиливая уязвимость работников, замедляя их адаптацию и увеличивая масштабы скрытой безработицы.

Цель статьи – проанализировать, как дисбаланс в сторону экологической компоненты ESG меняет траекторию развития рынка труда при форсированной цифровизации, и предложить сценарии, учитывающие разную степень баланса между E и S факторами. Для этого в статье:

- уточняется понятие технологической безработицы и ее проявления в белорусской экономике;

- предлагается индекс уязвимости, позволяющий оценить группу риска среди работников в нестандартных формах занятости;

- на основе сценарного моделирования сопоставляются три варианта развития событий – от пассивного сохранения дисбаланса до восстановления социальной компоненты ESG.

Статья предлагает аналитическую рамку для дискуссии о том, как целенаправленная коррекция ESG-дисбаланса может превратить технологическую безработицу из угрозы в управляемый процесс с приемлемыми социальными издержками. Эмпирической базой служат данные Белстата, отраслевая статистика, а также примеры из ESG-практики.

Основная часть. Феномен технологической безработицы – вытеснение работников из производственного процесса в результате внедрения машин и алгоритмов – занимает центральное место в современных дискуссиях о будущем рынке труда. По определению, технологическая безработица представляет собой разновидность структурной безработицы, при которой спрос на труд определенных категорий работников снижается не циклически, а под воздействием научно-технического прогресса. В отличие от конъюнктурных колебаний занятости, технологические сдвиги носят необратимый характер, поскольку навыки, утратившие актуальность в новых производственных условиях, не восстанавливаются автоматически с улучшением экономической конъюнктуры. Это требует от работников целенаправленной переквалификации или смены сферы деятельности.

Теоретическую основу для анализа влияния технологий на занятость составляет подход, основанный на задачах (task-based approach), предложенный Д. Асемоглу и П. Рестрепо. В центре этого подхода стоит распределение производственных задач между капиталом, квалифицированным и неквалифицированным трудом [1]. В своей работе они показали, что основной механизм воздействия технологий на рынок труда состоит в расширении множества задач, которые могут быть выполнены капиталом. В процессе автоматизации капитал начинает выполнять те задачи, которые ранее выполнялись трудом. Начинает действовать эффект вытеснения труда (displacement effect), снижающий его долю в производстве добавленной стоимости. При этом негативные эффекты автоматизации способны компенсироваться созданием новых трудоинтенсивных задач, которые возвращают труд в производство (reinstatement effect). Д. Асемоглу и П. Рестрепо подчеркивают, что в последние три десятилетия наблюдалось ускорение темпов автоматизации при одновременном замедлении технологических изменений, дополняющих человеческий труд [1, р. i913-i914]. Это смещение баланса имеет далеко идущие последствия для распределения доходов и социальной структуры. Кроме того, Д. Асемоглу и П. Рестрепо обращают внимание на систематическую смещенность в сторону автоматизации, обусловленную налоговой политикой, институциональными факто-

рами и даже сложившимися приоритетами в сфере НИОКР.

Альтернативная позиция, подчеркивающая долгосрочный позитивный эффект технологий, последовательно отстаивается в работах Р. И. Капелюшника [2]. На основе теоретического, эмпирического и исторического анализа он приходит к выводу, что технологическая безработица в ее классическом понимании представляет собой «фантом» – явление, которое в долгосрочной перспективе ни разу не реализовывалось на практике. На макроуровне технологический прогресс выступает позитивным или нейтральным фактором для занятости, тогда как его основное влияние заключается в изменении отраслевой и профессиональной структуры рабочих мест, а не в сокращении их общего количества.

Эмпирические оценки масштабов потенциального воздействия автоматизации на занятость варьируются, но сходятся на том, что речь идет о значительной доле рабочих мест. Согласно консолидированным данным отчета Technological Unemployment and Social Safety Net Adequacy: Systemic Risk and Resilience Report (2025) [3], доля рабочих мест, подверженных риску автоматизации, оценивается в 47% для США и 57% для стран ОЭСР (на основе данных Оксфордского университета и McKinsey Global Institute). Прогнозные оценки технологического шока занятости варьируются от 10 до 25% в секторах с высоким уровнем автоматизации, таких как обрабатывающая промышленность и розничная торговля, во временном горизонте 5-10 лет.

Организация экономического сотрудничества и развития также фиксирует существенные трансформации на глобальных рынках труда, обусловленные технологическими изменениями и императивами устойчивого развития («двойной переход») [4]. Распространение новых технологий, включая искусственный интеллект, автоматизирует множество задач, но одновременно продуцирует новые задачи, требующие иных наборов навыков. В исследовании Международной организации труда был разработан уточненный глобальный индекс профессиональной уязвимости перед генеративным искусственным интеллектом, идентифицирующий профессии с наибольшей степенью подверженности автоматизации и социально-

демографические группы, которые подвержены наибольшему риску [5].

Технологическая безработица не является феноменом исключительно XXI века. Наиболее известным ранним примером противодействия ей является движение луддитов в Англии в начале XIX века, когда рабочие-текстильщики, чьи навыки обесценились после внедрения механических ткацких станков, организовывали погромы фабрик, уничтожая машины. Внедряющиеся в то время станки и конвейеры кратно повысили производительность труда, что объективно привело к сокращению количества занятых мастеров.

Во второй половине XX века распространение банкоматов и электронных систем платежей постепенно сократило потребность в банковских кассирах. Это не привело к коллапсу банковской занятости, но трансформировало ее структуру в сторону более квалифицированных операций.

В современном мире автоматизация затронула широкий спектр сфер деятельности. Это розничная торговля (кассы самообслуживания), образование (электронные платформы, использование нейросетей), бухгалтерские и юридические услуги (автоматизированные системы бухгалтерского учета и юридического документооборота). При этом по данным Международной организации труда офисные профессии имеют самый высокий уровень воздействия на занятость [5]. Кроме того, в некоторых профессиях, активно использующих цифровые технологии, включая программирование, анализ данных, уровень воздействия также вырос, что подчеркивает расширяющиеся возможности GenAI в отношении специализированных задач. При этом, как отмечают эксперты, традиционные меры экономической политики могут оказаться недостаточными для компенсации структурных сдвигов на рынке труда, вызванных искусственным интеллектом, что смещает акцент в регулировании в направлении содействия переквалификации и планирования рабочей силы [6].

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют профессии и формы занятости, характеризующиеся высокой долей рутинных операций. Чем выше доля рутинных, алгоритмизируемых задач, тем выше вероятность замещения человеческого труда машинным.

При этом следует различать два сегмента: стандартную занятость и нестандартную (дистанционную и платформенную). При стандартной занятости рутинные профессии (например, бухгалтеры, операторы ввода данных) также подвержены автоматизации, но они чаще охвачены социальными гарантиями и программами переобучения. Нестандартные формы занятости представляют собой особую «буферную зону», где не только высока доля рутинных операций, но и социальная защищенность работников минимальна, что делает их очень уязвимыми в случае технологических сдвигов.

Применительно к Республике Беларусь, по данным Белстата, уровень безработицы составляет 2,5% [7], доля занятых в дистанционной форме – 0,8%, в платформенной – 0,5% от всех занятых [8]. Эти цифры укладываются в общемировой тренд роста нестандартных форм занятости, однако для оценки структурной уязвимости требуется более детальный анализ отраслевого состава таких работников, который будет проведен ниже.

Эмпирические подтверждения устойчивого дисбаланса между экологической (E) и социальной (S) компонентами ESG можно найти как на глобальном, так и на национальном уровнях.

Показательным примером является ситуация в горнодобывающей отрасли, где стремление к декарбонизации отодвигает на второй план социальные вопросы. Анализ GlobalData¹, проведенный для Mining Technology, показывает, что в 2021 году термин «environment» (окружающая среда) упоминался в отчетности горнодобывающих компаний 154 301 раз, тогда как термин «social» (социальная сфера) – лишь 59 449 раз, то есть реже в 2,6 раза. К 2024 году разрыв сохранился: 96 928 упоминаний против 29 313 [9].

Как отметила Стейси Хоуп, партнер Environmental Resources Management, на ESG-панели саммита FT Live Metals and Mining Summit: «Мы наблюдаем, что ESG часто приравнивают к изменению климата, тогда как по определению ESG имеет более широкий охват. Все было чрезмерно сосредоточено на «E», и хотя сосредотачиваться

¹ Крупная британская компания, занимающаяся бизнес-аналитикой, консалтингом и анализом данных.

на климате и экологии важно, это не должно происходить в ущерб важным социальным и управленческим вопросам» [9].

На рисунке 1 схематично представлена структура ESG-факторов, дисбаланс между которыми является предметом дальнейшего анализа.

Аналогичная тенденция фиксируется и на уровне корпоративной отчетности. Исследование 100 крупнейших австралийских компаний, проведенное Центром социального воздействия Университета Нового Южного Уэльса (UNSW), показало, что в среднем раскрывается лишь 55,4% социальных показателей. Компании охотно отчитываются по легко измеримым внутренним темам (например, обучение сотрудников), но избегают сложных «внешних» тем, таких как соблюдение прав человека в цепочках поставок или влияние на местные сообщества. Лишь 13,98% компаний раскрывают информацию о социально-экономических нарушениях законодательства, а о скрининге прав человека в закупках отчитывается только 22,58%. В результате 97% компаний отчитываются о социальной сфере, однако более половины показателей остаются за рамками раскрытия [10].

Смещение фокуса в сторону экологии объясняется несколькими взаимосвязанными причинами:

– во-первых, динамикой раскрытия информации. В докладе Всемирного института ресурсов (World Resources Institute, WRI) подчеркивается, что люди упущены в цепочках поставок: 12% компаний имеют хотя бы одну человеко ориентированную цель, только 3% ставят задачи по переквалификации работников и менее 3% работают над улучшением условий труда [11, p.1-2]. Основной причиной такого положения вещей является конкурентное давление на издержки. Экологические инвестиции (Е) могут окупаться за счет энергоэффективности и сокращения ресурсопотребления, а также открывают доступ к льготному «зеленому» финансированию. Социальные же инвестиции (S) – переобучение персонала, улучшение условий труда – требуют затрат без немедленной отдачи. В результате компании под давлением конкуренции и акционеров чаще выбирают проекты Е, оставляя социальную компоненту недофинансированной;

– во-вторых, внешние социальные факторы сложнее поддаются количественной оценке, стандартизации и аудиту.

Рисунок 1. – Определение ESG-политики

Примечание – Источник: собственная разработка.

Как отмечают авторы исследования UNSW, «проблемы Score 3¹ сложнее измерить, они с большей вероятностью привлекут пристальное внимание и могут вызвать уязвимости» [10];

– в-третьих, экологическая повестка исторически первична. Управленческая компонента (G) была институционализована после громких корпоративных скандалов (например, крах энергетической компании Enron в 2001 году из-за масштабной фальсификации отчетности), что привело к принятию закона Сарбейнса-Оксли, направленного на усиление финансовой прозрачности и подотчетности менеджмента. Экологическая (E) – под давлением научных данных с 1970-х годов. Социальная же компонента (S) до сих пор не получила сопоставимого регуляторного и инвестиционного внимания.

Выявленный дисбаланс приобретает особое значение в контексте технологической безработицы. С теоретической точки зрения, он может быть интерпретирован в рамках подхода, основанного на задачах, предложенного Д. Асемоглу и П. Рестрепо [1]. Как описано выше долгосрочная динамика занятости определяется соотношением эффекта вытеснения труда (displacement) и восстановления (reinstatement).

В сбалансированной модели эти эффекты компенсируют друг друга. Однако, если институциональные или финансовые механизмы систематически смещены в пользу автоматизации (а дисбаланс ESG в сторону экологической компоненты (E) представляет собой именно такое смещение), то эффект восстановления (reinstatement) начинает запаздывать. «Зеленые» проекты, финансируемые по ESG-каналам, часто ориентированы на автоматизацию ресурсопотребления (умные сети, датчики, оптимизация логистики), что усиливает эффект вытеснения (displacement). В то же время социальная компонента (S), оставаясь недофинансиро-

ванной, не генерирует достаточного количества новых трудоемких задач и программ переобучения, которые могли бы компенсировать вытеснение труда.

Как отмечалось выше, теоретически наибольшему риску автоматизации подвержены работники, чьи задачи поддаются алгоритмизации. В белорусской статистике впервые была представлена детализация нетрадиционных форм занятости по отраслям, что позволяет проанализировать внутреннюю структуру этой «буферной зоны».

В таблице 1 приведены данные Белстата о распределении дистанционной и платформенной занятости по видам экономической деятельности. Для каждого сектора на основе характеристики выполняемых задач по методологии, близкой к Д. Асемоглу и П. Рестрепо указана категория риска автоматизации.

Как видно из таблицы, в сегментах, составляющих основу нестандартной занятости, преобладают рутинные и смешанные виды деятельности. Это создает предпосылки для высокой уязвимости данных работников перед автоматизацией.

Для количественной оценки потенциального влияния автоматизации на занятость в Беларуси предлагается *индекс уязвимости (Itech)*. Он определяется как отношение доли занятых в рутинизированных и смешанных сегментах нетрадиционной занятости к официальному уровню безработицы:

$$Itech = \frac{N \times R}{U},$$

где

N – доля нетрадиционной занятости;

R – доля рутинных и смешанных сегментов внутри нетрадиционной занятости;

U – уровень безработицы.

Расчет произведен в таблице 2.

Полученное значение $Itech=0,48$ означает, что на 100 человек зарегистрированных безработных в Беларуси приходится 48 человек, занятых в уязвимых сегментах нетрадиционной занятости. Эти работники не учитываются в официальной статистике безработицы, однако их профессии находятся в зоне высокого риска автоматизации, что делает их потенциальной «буферной зоной» безработицы.

¹ Под Score 3 понимаются косвенные выбросы и связанные с ними социальные и экологические эффекты, возникающие вдоль всей цепочки создания стоимости компании – как вверх (поставщики), так и вниз (потребители, утилизация). В контексте социальной компоненты ESG к Score 3 относят, например, соблюдение трудового права у субподрядчиков или воздействие на местные сообщества, не находящиеся в прямой юрисдикции компании.

Таблица 1. – Распределение нетрадиционной занятости по отраслям и риску автоматизации

Сфера деятельности	Доля в форме занятости, %	Категория труда (риск вытеснения)
Дистанционная занятость (0,8% от всех занятых)		
Информация и связь	49,70	Рутинный (высокий риск)
Профессиональная, научная и техническая деятельность	21,00	Смешанный (значительный риск)
Торговля и услуги по временному проживанию и питанию	11,40	Рутинный (высокий риск)
Образование и здравоохранение	4,90	Нерутинный (низкий риск)
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	3,10	Рутинный (высокий риск)
Платформенная занятость (0,5% от всех занятых)		
Услуги такси	31,60	Рутинный (высокий риск)
Продажа товаров на постоянной основе	19,40	Рутинный (высокий риск)
Работа и услуги в сфере информационных технологий	17,90	Смешанный (значительный риск)
Доставка и бытовые услуги, включая клининг и ремонт	14,30	Смешанный (значительный риск)
Образование, юридические и туристические услуги	10,00	Смешанный (значительный риск)

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных Белстата [8]

Таблица 2. – Расчет индекса уязвимости *Itech*

Показатель	Значение
Доля занятых в дистанционной форме от всех занятых	0,8%
Доля занятых в платформенной форме от всех занятых	0,5%
Итого доля нетрадиционной занятости	1,30%
Доля рутинизированных и смешанных сегментов внутри нетрадиционной занятости (по данным таблицы 1)	91,3%*
Доля занятых в уязвимых сегментах нетрадиционной занятости от всех занятых	$1,3\% \times 91,3\% = 1,19\%$
Уровень безработицы (по методологии МОТ)	2,5%
Индекс уязвимости $Itech = 1,19\% / 2,5\%$	0,48
*Расчёт доли рутинизированных и смешанных сегментов: $(0,8 \times 0,497 + 0,8 \times 0,21 + 0,8 \times 0,114 + 0,8 \times 0,031 + 0,5 \times 0,316 + 0,5 \times 0,194 + 0,5 \times 0,179 + 0,5 \times 0,143 + 0,5 \times 0,100) / 1,3\% = 0,011868 / 0,013 = 0,9129 = 91,3\%$.	

Примечание – Источник: собственная разработка

Особого внимания заслуживают уязвимые сегменты с высокой долей в нетрадиционной занятости: информация и связь (49,7% дистанционной занятости), услуги такси (31,6% платформенной занятости). Именно здесь такие технологические изменения, как внедрение ИИ в обработку данных, алгоритмическое управление заказами, автономные транспортные системы, могут привести к наиболее быстрому вытеснению труда.

Индекс уязвимости (*Itech*) не является прогнозом неизбежного роста безработицы.

Он фиксирует наличие структурной уязвимости, то есть дисбаланс между темпами автоматизации и готовностью рынка труда к перераспределению высвобождающихся работников. Этот разрыв может быть сокращен за счет активной социальной политики. Однако, как показано выше, в глобальной практике наблюдается систематический перекоп ESG-финансирования в сторону экологических проектов, усиливающих эффект вытеснения труда.

Таблица 3. – Сценарии развития рынка труда при технологической безработице и дисбалансе ESG-факторов

Параметр	Сценарий 1 – пассивный	Сценарий 2 – негативный	Сценарий 3 – позитивный
Описание	Экономические отношения сложившийся дисбаланс в пользу экологических проектов (Е). Государство не модернизирует систему занятости.	При ускоренной автоматизации социальные механизмы не задействованы. Экологические проекты реализуются за счёт сокращения работников, программы переобучения отсутствуют.	Выявленные дисбалансы контролируются. «Зелёное» финансирование увязывается с социальными условиями. Государство активно инвестирует в человеческий капитал.
Динамика индекса уязвимости (Itech)	Рост до 0,8	Рост до 1,0 и выше	Стабилизация на уровне 0,4-0,5
Соотношение эффекта вытеснения труда (displacement) и эффекта восстановления (reinstatement)	Вытеснение доминирует, восстановление минимально	Вытеснение труда полностью подавляет эффект производительности, восстановление отсутствует	Сбалансированы за счёт целевых программ создания новых трудоёмких задач
Основные мероприятия	Постепенное внедрение ИИ в рутинные сегменты (IT, такси, логистика) без целевых программ переобучения	Форсированная автоматизация при отсутствии социальной защиты	Перераспределение ESG-финансирования в пользу социальной компоненты (S): программы переобучения; мониторинг буферных зон
Итог для рынка труда	Рост ВВП за счёт «зелёных» проектов, но снижение покупательной способности и налоговой базы доходов в нестабильности доходов в «буферной зоне»	Краткосрочный экономический рост, затем спад из-за падения спроса; рост социальной напряжённости и теневой экономики	Устойчивый рост ВВП, снижение структурного разрыва, повышение эффективности труда без ухудшения социальных условий

Примечание – Источник: собственная разработка

Для Беларуси, позиционирующей себя как социально-ориентированное государство, задача состоит в том, чтобы не допустить воспроизведения этого дисбаланса и обеспечить компенсацию последствий автоматизации мерами по защите занятости.

Для оценки долгосрочных траекторий развития рынка труда мы использовали метод сценарного моделирования, учитывающий различные подходы к ESG-политике и автоматизации (таблица 3). Нами определены три варианта, различающиеся по степени учета социальной компоненты (S) и мерам государственной поддержки занятости. Количественные параметры сценариев привязаны к рассчитанному выше индексу уязвимости $Itech=0,48$, который отражает текущее соотношение «буферной зоны» и официальной безработицы.

Сценарий 1 (пассивный) предполагает, что при сохранении текущего дисбаланса ESG-факторов и отсутствии модернизации системы занятости коэффициент уязвимости ($Itech$) возрастает до 0,8. Это означает, что на 100 официальных безработных будет приходиться 80 человек в уязвимых сегментах нетрадиционной занятости. Формальный уровень безработицы может даже снизиться за счет перетока кадров в другие отрасли. Однако реальная недогрузка экономики вырастет за счет скрытой безработицы. Доходы работников «буферной зоны» становятся нестабильными, что снижает совокупный спрос и налоговые поступления.

Сценарий 2 (негативный) при полном отсутствии социальных механизмов, компенсирующих форсированную автоматизацию, предполагает, что коэффициент уязвимости ($Itech$) может достигать уровня 1,0 и выше. Это означает, что скрытая безработица может превысить официальную. Рынок труда поляризуется: появляются узкая прослойка высококвалифицированных специалистов, интегрированных в цифровую экономику, и широкий слой населения, занятого в низкодходных, уязвимых сегментах. В долгосрочной перспективе это чревато нарастанием социальной напряженности, ростом теневой экономики и экономическим спадом из-за падения спроса.

Сценарий 3 (позитивный) достигается за счет целенаправленной и планомерной коррекции ESG-дисбаланса. «Зеленое» финансирование увязывается с социальными про-

граммами переобучения и поддержки занятости в автоматизируемых отраслях. Государство осуществляет мониторинг «буферных зон», коэффициента уязвимости ($Itech$) и инвестирует в человеческий капитал. В результате $Itech$ стабилизирует на уровне 0,4-0,5, а доля рутинных задач в нетрадиционной занятости сокращается на 20-30% за счет расширения навыков. Тем самым обеспечивается устойчивый рост ВВП без ухудшения социальных условий.

Представленные сценарии показывают, что ориентация на сбалансированный цифровой переход является не только социально справедливой, но и экономически эффективной стратегией.

Заключение. Проведенное в статье исследование влияния дисбаланса ESG-факторов на социальные последствия технологической безработицы позволило сформулировать следующие выводы:

1. ESG-дисбаланс является значимым институциональным фактором негативных последствий технологической безработицы. Опираясь на методологический подход Д. Асемоглу и П. Рестрепо мы показали, что перекоп в пользу экологических проектов (E) подпитывает эффект вытеснения труда (displacement), тогда как социальная компонента (S), отвечающая за создание новых трудоемких задач (reinstatement) и переобучение, остается недофинансируемой. Эмпирические примеры подтверждают глобальный характер этого смещения.

2. Для количественной оценки структурной уязвимости рынка труда предложен индекс уязвимости ($Itech$), учитывающий нарастание рутинизации в нетрадиционных формах занятости под влиянием автоматизации. На основе данных Белстата было получено значение индекса уязвимости для белорусской экономики $Itech=0,48$, означающее, что на 100 официально зарегистрированных безработных в Беларуси приходится 48 человек, занятых в уязвимых сегментах, которые находятся в зоне высокого риска автоматизации.

3. Сценарный анализ показал, что траектория развития рынка труда зависит от баланса между ростом автоматизации и социальной поддержкой. Сохранение текущего ESG-дисбаланса ведет к росту индекса уязвимости до 0,8 и стагнации совокупного спроса. Форсированная автоматизация при

слабых социальных механизмах может довести индекс уязвимости до уровня 1,0 и выше, что чревато поляризацией доходов, социальной напряженностью и экономическим спадом. Напротив, целенаправленная коррекция дисбаланса позволит стабилизировать индекс уязвимости на уровне 0,4-0,5 и обеспечить устойчивый экономический рост без социальных издержек.

4. Для Республики Беларусь, позиционирующей себя как социально-ориентированное государство, практические шаги для недопущения дисбаланса могут предусматривать:

- включение требований к социальной компоненте (S) в критерии льготного «зеленого» финансирования;

- регулярный мониторинг индекса *Itech* и других индикаторов «буферной зоны»;

- разработку целевых программ переквалификации для работников автоматизируемых сегментов нетрадиционной занятости.

Предложенный индекс *Itech* является оценочным и опирается на агрегированные данные, не учитывающие внутриотраслевые различия в вытеснении труда в процессе автоматизации. Дальнейшие исследования будут направлены на построение панельных данных по занятости в разрезе профессий для более точной идентификации автоматизируемых задач, а также на анализ эффективности конкретных инструментов ESG-финансирования в нивелировании технологической безработицы.

Список использованных источников

1. Acemoglu, D. task-based approach to inequality / D. Acemoglu, P. Restrepo // Oxford Open Economics. – 2024. – Vol. 3, Issue Supplement_1. – P. i906–i929. – DOI: 10.1093/oec/odad082.
2. Kapeliushnikov, R. The phantom of technological unemployment / R. Kapeliushnikov // Russian Journal of Economics. – 2019. – Vol. 5. – Issue 1. – P. 88–116. – URL: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.35507> (дата обращения: 26.03.2026).
3. SparkCo, A.I. Technological Unemployment and Social Safety Net Adequacy : Systemic Risk and Resilience Report / A.I. SparkCo. – 2025. – P. 1-10. – URL: <https://sparkco.ai/blog/technological-unemployment-social-safety-net-adequacy> (дата обращения: 10.03.2026).
4. OECD. Trends Shaping Education 2025. – Paris : OECD Publishing, 2025. – 123 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/trends-shaping-education-2025_ee6587fd-en.html (дата обращения: 10.03.2026).
5. ILO. Generative AI and Jobs: A Refined Global Index of Occupational Exposure. – Geneva : International Labour Organization, 2025. – 45 p. – URL: <https://www.ilo.org/publications/generative-ai-and-jobs-refined-global-index-occupational-exposure> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Fed officials warn AI could drive structural unemployment // The Economic Times. – 2026. – P. 1-2. – URL: <https://hrme.economictimes.indiatimes.com/news/industry/ai-revolution-fed-officials-warn-of-structural-unemployment-risks/128960449> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Белстат. Уровень занятости и безработицы в Республике Беларусь : [стат. бюл.] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн.: Белстат, 2025. – 1 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/zanyatost_bezrabotica_2025_12.pdf (дата обращения: 10.03.2026).
8. Белстат. Нестандартная занятость в Республике Беларусь : [стат. сб.] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн.: Белстат, 2025. – 2 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/nestandart_zaniatost-2025.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
9. Thomas, E. Mining's forgotten 'S': has decarbonisation obscured the social angle of ESG? / E. Thomas // Mining Technology : [сайт]. – 2025. – 30 Oct. – URL: <https://www.mining-technology.com/newsletters/minings-forgotten-s-has-decarbonisation-obscured-the-social-angle-of-esg/> (дата обращения: 27.03.2026).
10. Why companies are falling short on social impact – and how to fix it // UNSW BusinessThink, 2025 : [сайт]. – URL: <https://www.businessthink.unsw.edu.au/article>

es/corporate-social-impact-reporting-australia
(дата обращения: 27.03.2026).

11. World Resources Institute. The Elephant in the Boardroom: People Are Missing in Corporate Supply Chain Goals / World Re-

sources Institute. – 2025. – URL:
<https://www.wri.org/research/elephant-boardroom-people-are-missing-corporate-supply-chain-goals> (дата обращения: 27.03.2026).

Received 2.04.2026

УДК 331.101.262

Т.А. РЖЕВСКАЯ, канд. экон. наук, доцент
 декан факультета экономики и финансов
 Полесский государственный университет,
 г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 7.04.2026 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В статье обосновывается неоднородность человеческого потенциала и необходимость его структурирования с точки зрения влияния на экономический рост. Выделено три качественно различных составляющих человеческого потенциала: человеческий капитал, экономически значимые и внеэкономические компоненты человеческого потенциала. Предложена типология состояний человеческого потенциала, отражающая уровень реализации его отдельных составляющих.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, экономически значимые компоненты человеческого потенциала, внеэкономические компоненты человеческого потенциала, тип состояния человеческого потенциала.

RZHEVSKAYA T.A., PhD in Econ. Sc.
 Dean of the Faculty of Economics and Finance
 Polesky State University, Pinsk, Republic of Belarus

THEORETICAL ASPECTS OF THE RATIO OF HUMAN POTENTIAL AND HUMAN CAPITAL

The article substantiates the heterogeneity of human potential and the need for its structuring from the perspective of its impact on economic growth. Three qualitatively different components of human potential are identified: human capital, economically significant components of human potential, and non-economic components of human potential. A typology of human potential states reflecting the level of realisation of its individual components is proposed.

Keywords: human potential, human capital, economically significant components of human potential, non-economic components of human potential, state of human potential type.

Введение. Во все экономических формациях ключевым ресурсом, используемым в производственном процессе, а, следовательно, и в социально-экономическом развитии общества, выступал человек. Еще в теории Маркса подчеркивалась неоднозначная роль человека, который, с одной стороны, рассматривается как важнейший элемент производственных сил, а с другой стороны, выступает в качестве активного субъекта, оказывающего влияние на развитие общества.

По мере развития технологий, смены условий хозяйствования роль человека в эко-

номических процессах становится все более значимой по сравнению с традиционными ресурсами. Это проявляется в трансформации структуры человеческой деятельности, где творческие способности человека приобретают большее значение для экономического развития общества, чем профессии, связанные с физическим трудом.

В условиях формирования «экономики знаний» человеческий потенциал выступает в качестве основного источника национального богатства каждой страны, так как именно с его развитием связано накопление знаний,

профессиональных навыков и интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, превращает способности людей в главный фактор инновационного роста и экономической конкурентоспособности государства.

В то же время, для отражения участия человека в экономике многие экономисты используют категорию «человеческий капитал», которая традиционно рассматривается как совокупность врожденных и приобретенных способностей человека, которые могут быть использованы для обеспечения экономического роста.

В академической литературе понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» часто используются как взаимозаменяемые термины, что не корректно, поскольку приводит к непониманию сущности отдельных категорий и, как следствие, к потере точности в анализе факторов экономического роста и эффективности социальной политики.

Основная часть Несмотря на активное использование термина «человеческий по-

тенциал», в современной экономической литературе однозначной его трактовки нет. Рассмотрим подходы различных авторов к определению данной категории (таблица 1).

Анализ определений человеческого потенциала, данных разными авторами, позволяет выделить ключевую общую черту: человеческий потенциал трактуется как врожденная или накопленная в процесс жизни совокупность качеств, способностей, знаний и здоровья, которая существует независимо от того, находит ли она реальное применение в экономической деятельности.

Обращает на себя внимание последовательное отсутствие прямой взаимосвязи между уровнем человеческого потенциала и степенью его вовлечения в экономические процессы. На это наиболее явно указывает Федотов А.А., который прямо заявляет, что потенциал – это способности «вне зависимости от того, в какой мере они находят или могут найти конкретное применение в производственной деятельности».

Таблица 1. – Подходы к определению категории «человеческий потенциал»

Автор	Определение категории
Арнаут М.Н. [1, С.81]	Совокупность врожденных и приобретенных сил, качеств, свойств и возможностей личности (знаний, умений, навыков, опыта, здоровья, профессионализма, моральных и нравственных качеств), которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей в конкретных природно-экологических и социально-экономических условиях.
Бабинцев В.П., Куркина М.П. [2, С.225-226]	Система физических и духовных сил человека, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышения качества жизни индивида.
Котырло Е.С. [3, С.390]	Запас знаний, способностей, умений и навыков, культуры и нравственности, здоровья, способный капитализироваться при определенных условиях
Локосов В. В. [4, С.7]	Совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических и природно-географических условий.
Салахова Ю.Ш. [5, С.92]	Совокупность физических и духовных сил граждан, а именно личностные навыки, способности, умения, здоровье, образованность, которые могут быть вовлечены в определенную область производственного процесса
Соболева И.В. [6, С.9]	Накопленный запас здоровья, общекультурной профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской, гражданской ответственности, реализующийся в сфере деятельности и в сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов.
Федотов А.А. [7, С.151]	Совокупность способностей, знаний, навыков и личностных характеристик человека вне зависимости от того, в какой мере они находят или могут найти конкретное применение в производственной деятельности

Примечание – Собственная разработка на основе анализа литературных источников

Из определений отдельных авторов (Салахова Ю.Ш., Локосов В.В.) следует, что связь между человеческим потенциалом и уровнем его использования в экономике возможна, но на не является автоматической или обязательной, она может реализоваться при выполнении определённых условий.

Некоторые авторы при определении человеческого потенциала указывают на его обязательную реализацию (Соболева И.В., Бабинцев В.П. и Куркина М.П.). Но даже в этих трактовках реализация не сводится только к рыночной, производительной деятельности, а находит свое отражение в «сфере деятельности и сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов» (Соболева И.В.) или в «расширенном воспроизводстве общественных структур и повышении качества жизни» (Бабинцев В.П. и Куркина М.П.).

Таким образом, представленные определения заявляют определенную самостоятельность человеческого потенциала по отношению к экономике. Потенциал – это наличный ресурс личности или общества, который может быть востребован (и тогда он может превращаться в человеческий капитал), а может оставаться невостребованным, не переставая от этого быть потенциалом. Эта черта принципиально отличает категорию «человеческий потенциал» от категории «человеческий капитал», которая всегда предполагает производительное использование и экономическую отдачу.

На это указывает и Богатырева В.В., которая отмечает, что «Потенциал – это все знания, навыки и умения, которыми обладает человек, а вот капиталом становится лишь та часть потенциала, которая реально задействуется в производственной, общественно-политической сферах» [8].

Описанный выше подход позволяет рассматривать человеческий потенциал в качестве базовой категории по отношению к человеческому капиталу. При этом, можно определить ряд базовых характеристик, которые позволяют выделить человеческий капитал в качестве составной части потенциала:

во-первых, капиталом становится только та часть человеческого потенциала, которая получила рыночную оценку – то есть востребована работодателем и имеет сложившуюся цену на рынке труда;

во-вторых, она приносит реальный доход как работнику, так и нанимателю (заработную плату, ренту, прибыль);

в-третьих, она может быть приумножена через инвестиции (образование, профессиональную подготовку, повышение квалификации, миграцию в регионы с лучшими условиями занятости).

Таким образом, человеческий капитал – это не любая способность или знание, а лишь та их часть, которая отвечает перечисленным критериям.

Обращает на себя внимание тот факт, что один и тот же элемент потенциала в зависимости от институциональной и экономической среды, в которой существует индивид и общество, может быть капиталом, а может не быть. Например, умение слагать стихи в обществе, где поэзия не монетизируется, остаётся частью потенциала, но не становится капиталом. В обществе же, где существует рынок литературных услуг или авторских гонораров, тот же навык превращается в капитал.

Человеческий потенциал – это фундаментальная основа, на базе которой создаётся человеческий капитал, однако потенциал не ограничивается только той частью, которая превратилась в капитал.

Часть человеческого потенциала, которая в определенных условиях не реализовалась в виде человеческого капитала, представляет собой совокупность некапитализируемых компонентов человеческого потенциала. При этом, некапитализируемую часть человеческого потенциала нельзя рассматривать как однородную совокупность. Это связано с тем, что существует фундаментальное различие среди некапитализируемых компонентов, связанное с отношением к экономическому росту:

– некапитализируемые компоненты, но объективно влияющие на экономический рост, обеспечивая активное внедрение инноваций, создавая новые продукты и технологии (креативность, творческие способности). При этом, имеет место не прямое участие в экономических процессах, как у человеческого капитала, а опосредованное или косвенное влияние на достижение устойчивых темпов экономического роста;

– некапитализируемые компоненты, не имеющие прямого или косвенного экономического эффекта (либо этот эффект прене-

брежимо мал). К таким компонентам целесообразно относить эмпатию, альтруизм, гражданскую ответственность, жизненные ценности индивида и общества. Данные компоненты в определенных условиях могут даже противоречить принципу рыночной максимизации, но в то же время очень важны для обеспечения качества жизни и воспроизводства социума.

Таким образом, необходимость структурирования человеческого потенциала обусловлена его неоднородностью. Сведение этих двух разнородных групп в одну («некапитализируемый человеческий потенциал») не корректно, так как объединение экономически значимых и внеэкономических компонентов в одну категорию приводит к неверной оценке вклада человеческого потенциала в экономическое развитие.

В самом общем виде, для корректного структурирования человеческого потенциала можно воспользоваться критериями, представленными в таблице 2.

Приведенное разграничение компонентов человеческого потенциала на основе указанных критериев подтверждает, что человеческий потенциал не является однородной категорией и включает три качественно различных составляющих. Такое разграничение необходимо для корректного анализа факторов экономического роста и обоснованного выбора приоритетов государственной поддержки различных сфер человеческого развития.

Предложенная структура человеческого потенциала позволяет выделить несколько его типов в зависимости от возможных сочетаний уровней человеческого капитала, экономически значимых некапитализируемых компонентов и внеэкономических компонентов (таблица 3).

В таблице 4 приведена характеристика основных типов состояния человеческого потенциала.

Таблица 2. – Классификация элементов человеческого потенциала

Критерий деления	Человеческий потенциал		
	Капитализируемая часть (человеческий капитал)	Некапитализируемая часть	
		Экономически значимые компоненты	Внеэкономические компоненты
Приносит ли прямой доход владельцу?	Да	Нет (или крайне редко)	Нет
Влияет ли на ВВП?	Да (прямо)	Да (косвенно)	Нет (или пренебрежимо)

Примечание – Собственная разработка

Таблица 3. – Типология состояний человеческого потенциала

Уровни развития человеческого потенциала			Тип состояния человеческого потенциала
Человеческий капитал	Экономически значимые компоненты	Внеэкономические компоненты	
высокий	высокий	высокий	Сбалансированное развитие
высокий	высокий	низкий	Технократический тип
высокий	низкий	высокий	Капитализированный неинновационный тип
высокий	низкий	низкий	Деградационный тип
низкий	высокий	высокий	Нереализованная креативность
низкий	высокий	низкий	Творческая дезориентация
низкий	низкий	высокий	Социально-ориентированный некапитализируемый тип
низкий	низкий	низкий	Депривационный тип

Примечание – Собственная разработка

Таблица 4. – Характеристика основных типов состояния человеческого потенциала

Тип состояния человеческого потенциала	Характеристика
1	2
Сбалансированное развитие	С точки зрения общества – это наиболее оптимальный тип, так как человек одновременно производит рыночные блага, генерирует инновации и поддерживает социальную интеграцию. Человек получает стабильный высокий доход от использования своих способностей, активно применяет свой творческий, инновационный потенциал, демонстрируя при этом высокий уровень эмпатии, гражданской ответственности. Такое сочетание обеспечивает не только экономический успех, но и личное благополучие, устойчивость к выгоранию.
Технократический тип	Активное вовлечение человека в экономическую деятельность с высоким уровнем дохода и возможностью реализации своего творческого потенциала посредством разработки новых продуктов и технологий. Слабое развитие внеэкономических качеств создает риски склонности к манипуляциям, проявления эгоцентризма, пренебрежения социальными нормами, выгорания. В долгосрочной перспективе отсутствие этических норм может привести как к ухудшению собственного психического здоровья, так и ослаблению социальной стабильности в обществе.
Капитализированный неинновационный тип	Данный тип отражает сотрудника, выполняющего рутинную, востребованную на рынке работу, не склонного к риску и новаторству, но создающего вокруг себя здоровую психологическую атмосферу, способствующую кооперации. Для экономики это полезно с точки зрения социального капитала, однако отсутствие креативности несет риски для устойчивого экономического роста.
Деградационный тип	Человек обладает востребованными рыночными навыками и, как следствие, высоким доходом, но у него отсутствует креативность, подавлена эмпатия, что ведет к высоким рискам выгорания. Данный тип демонстрирует, что капитал может существовать относительно автономно от потенциала, если институты и цены искажены. Однако в долгосрочной перспективе такое состояние неустойчиво: оно ведёт к снижению продуктивности, текучести кадров, психосоматическим заболеваниям и, в конечном счёте, к снижению уровня человеческого капитала.
Нереализованная креативность	Данный тип демонстрирует человека, не имеющего рыночно-востребованных навыков или того, кто не может их применить в сложившихся экономических условиях. При этом он обладает высоким креативным, изобретательским мышлением, генерирует новые идеи, способен к нестандартным решениям, высоким уровнем гражданской ответственности и устойчивым психологическим здоровьем. С точки зрения экономики – это потерянный инновационный потенциал: общество не получает выгоды от его креативности из-за институциональных барьеров. Такое состояние требует создания социальных лифтов, инкубаторов для монетизации творчества.
Творческая дезориентация	Данный тип иллюстрирует человека, которые не капитализируют свои высокие творческие способности в рамках легальной экономики. Такое состояние несёт риски для общества, так как высокая креативность при низкой моральной устойчивости может реализоваться в асоциальном или деструктивном поведении. Такое состояние требует не только экономической поддержки, но и социально-психологической реабилитации.
Социально-ориентированный некапитализируемый тип	Человек не обладает ни рыночным капиталом, ни креативностью, но благодаря высокому уровню эмпатии, альтруизма, гражданской ответственности он является активным членом общества, реализуя себя в общественных и волонтерских организациях. Такой человек не создаёт инноваций и не зарабатывает на рынке, но вносит значительный вклад в социальную сплочённость общества, снижение нагрузки на государственные институты. С точки зрения экономики – это позитивный, но некапитализируемый социальный актив. Государство должно поддерживать таких людей через социальные пособия, субсидии волонтерским организациям, признание неоплачиваемого труда.

Окончание таблицы 4

1	2
Депривационный тип	Наиболее сложное состояние: человек не имеет рыночных навыков, не проявляет креативности, а его внеэкономические качества снижены. Это может быть следствием хронических заболеваний, социальной изоляции, депрессии. С точки зрения теории человеческого потенциала – это зона необратимых потерь, избежать которых можно лишь путем системной социальной политики, объединяющей меры здравоохранения, образования и социальной поддержки.

Примечание – Собственная разработка

Таким образом, можно выделить восемь типов человеческого потенциала, выделенных на основе комбинации уровней человеческого капитала, экономически значимых и внеэкономических компонентов человеческого потенциала. Обращает на себя внимание тот факт, что высокий уровень человеческого капитала сам по себе не гарантирует полноценной реализации человеческого потенциала: деградационный и технократический типы демонстрируют дефицит креативности и моральных ценностей соответственно, что создаёт риски для психического здоровья человека и социальной стабильности общества в целом.

В свою очередь, низкий человеческий капитал может сопровождаться высокими значениями некапитализируемых компонентов, что указывает на наличие институциональных барьеров, ограничивающих капитализацию творческих способностей, и на недополученный вклад в экономическое развитие.

Наиболее желательным с точки зрения общества является состояние сбалансированного развития, при котором высокий доход сочетается с инновационной активностью и сохранением гуманистических ценностей.

Заключение Проведенное исследование подтвердило необходимость разграничения категорий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», позволяя рассматривать человеческий капитал как составную часть человеческого потенциала, приносящую прямой доход и непосредственно влияющую на ВВП. Внутри некапитализируемой части человеческого потенциала целесообразно различать две разнородные группы – экономически значимые компоненты, косвенно влияющие на экономический рост, и внеэкономические компоненты, не имеющие измеримого экономического эффекта, но значимые для социальной устойчивости общества.

Предложенная трёхкомпонентная структура и разработанная на её основе типология восьми состояний человеческого потенциала позволяют более точно диагностировать дисбалансы в развитии человека и общества. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности обоснования дифференцированных мер социально-экономической политики, направленных не только на накопление человеческого капитала, но и на сохранение и развитие внеэкономических составляющих человеческого потенциала.

Список использованных источников

1. Арнаут, М. Н. Дефиниция понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» / М. Н. Арнаут // ЭТАП : экономическая теория, анализ, практика. – 2021. – № 2. – С. 79–85.
2. Бабинцев, В. П. Человеческий потенциал как научная категория / В. П. Бабинцев, М. П. Куркина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). – С. 223–229.
3. Котырло, Е. С. Человеческий потенциал и человеческий капитал как научные категории / Е. С. Котырло // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – № 6. – С. 389–394.
4. Локосов, В. В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В. В. Локосов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 4. – С. 4–14.
5. Салахова, Ю. Ш. Особенности формирования человеческого потенциала и человеческого капитала в современных экономических условиях Республики Беларусь / Ю. Ш. Салахова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2020. – № 13. – С. 89–94.
6. Соболева, И. В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология,

приоритетные направления : автореферат дис. ... доктора экономических наук : 08.00.01 / И. В. Соболева ; Ин-т экономики РАН. – Москва, 2006. – 48 с.

7. Федотов, А. А. Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий / А. А. Федотов // Экономика и бизнес : теория и практика. – 2021. – № 7 (77). – С. 148–155.
8. Богатырева, В. В. Богатырева : для стратегического развития страны необходимо сформировать образ человека новой эпохи : [интервью] / В. В. Богатырева // Витебский областной исполнительный комитет : офиц. сайт. – URL: <https://www.vitebsk.vitebsk-region.gov.by/en/node/202686>. (дата обращения: 06.04.2026).

References

1. Arnaut M. N. Definicziya ponyatij «chelovecheskij kapital», «chelovecheskij potenczial» i «chelovecheskij resurs» [Definition of the concepts "human capital," "human potential," and "human resources"]. *E`TAP : e`konomicheskaya teoriya, analiz, praktik* [ETAPE: economic theory, analysis, practice]. 2021, no. 2, pp. 79–85. (In Russian)
2. Babintsev V.P., Kurkina M. P. Chelovecheskij potenczial kak nauchnaya kategoriya [Human potential as a scientific category]. *Nauchny`e vedomosti Bel-gorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Filosofiya. Socziologiya. Pravo* [Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law]. 2012, no. 8 (127), pp. 223–229. (In Russian)
3. Kotyrlo E. S. Chelovecheskij potenczial i chelovecheskij kapital kak nauchny`e kategorii [Human potential and human capital as scientific categories]. *Audit i finansovy`j analiz* [Audit and financial analysis]. 2011, no. 6, pp. 389–394. (In Russian)
4. Lokosov V. V. Chelovecheskij potenczial: konceptual`ny`e podkhody` i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie* [Population]. 2023. Vol. 26, no. 4, pp. 4–14. (In Russian)
5. Salakhova, Yu. Sh. Osobennosti formirovaniya chelovecheskogo potencziala i chelovecheskogo kapitala v sovremenny`kh e`konomicheskikh usloviyakh Respubliki Belarus` [Features of the Formation of Human Potential and Human Capital in the Modern Economic Conditions of the Republic of Belarus]. *Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, E`konomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series D, Economic and Legal Sciences]. 2020, no. 13, pp. 89–94. (In Russian)
6. Soboleva I. V. *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potencziala: teoriya, metodologiya, prioritetny`e napravleniya* [Reproduction of Human Potential: Theory, Methodology, Priority Areas]. Abstract of Doctor's degree dissertation Moscow, 2006, 48 p. (In Russian)
7. Fedotov A. A. Chelovecheskij potenczial i chelovecheskij kapital: sushhnost` i otlichie ponyatij [Human Potential and Human Capital: Essence and Difference between . Concepts]. *E`konomika i biznes : teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice]. 2021, no. 7 (77), pp. 148–155. (In Russian)
8. Bogatyreva V. V. *Bogaty`reva: dlya strategicheskogo razvitiya strany` neobkhodimo sformirovat` obraz cheloveka novej e`pokhi* [Bogatyreva: for the strategic development of the country it is necessary to form the image of a person of the new era]. [Vitebsk Regional Executive Committee: official. Website]. (In Russian). Available at: <https://www.vitebsk.vitebsk-region.gov.by/en/node/202686>. (accessed: 06.04.2026).

Received 7.04.2026

УДК 336.13:338.2

А.А. МИРАНОВИЧ

аспирант

Белорусский государственный экономический университет,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: guminsk@mail.belpak.by

Статья поступила 14.04.2026 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ: СУЩНОСТЬ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Цель – обосновать сущность государственного контроля с позиций современного кибернетического и системного подходов, а также смоделировать структуру организационно-экономического механизма его функционирования.

Методология. В процессе работы применялись методы системно-структурного, логического, компаративного и морфологического анализа для систематизации существующих политологических, юридических и экономических подходов к теории публичного надзора.

Результаты. Систематизированы научные парадигмы в трактовке сущности контроля. Предложена авторская трактовка государственного (в т.ч. финансового) контроля, нивелирующая сугубо фискальный и репрессивный подход. Разработана и научно обоснована модель организационно-экономического механизма государственного контроля, выделены и детализированы четыре ее ключевых элемента: институциональный, нормативно-правовой, инструментально-операционный, экономико-кадровый и информационный. Структурированы базисные функции контроля в механизме макроэкономического управления: аналитическая, правоустанавливающая, прогностическая, компенсационно-фискальная и оценочно-методологическая.

Заключение. Доказано, что надежно встроенный в систему госуправления организационно-экономический механизм выступает главным элементом обеспечения макроэкономической безопасности государства, защищающим общество не за счет накопления числа финансовых санкций, а за счет раннего купирования рыночных дисфункций и минимизации издержек хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: государственный контроль, государственное управление, макроэкономическая безопасность, финансовый надзор, организационно-экономический механизм контроля, аудит, риск-ориентированный подход.

MIRANOVICH A.A., Postgraduate Student

Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

STATE CONTROL: ESSENCE, ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF FUNCTIONING, AND ITS PLACE IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Aim. To outline the essence of state control from the viewpoint of modern cybernetic theories and system approaches, while formulating the architecture of the organizational and economic mechanism for its effective operation.

Methods. The study leverages comparative and morphological research, combining elements of logical evaluation and systemic-structural framework to consolidate political, judicial, and economic concepts defining public administration processes.

Results. Theoretical paradigms clarifying state control phenomena were comprehensively structured. The author developed an alternative approach minimizing strictly penal perceptions of audit authorities. The paper proposes a robust model identifying four major pillars inside the oversight mechanism: the institutional layout, legislative metrics, the operational dimension, and resource components. Furthermore, analytical, legislative, proactive, compensatory, and methodological control functions are properly categorized based on their ultimate objective inside the nationwide macroeconomic cycle.

Conclusion. The functioning organizational-economic framework plays an undisputed role in sovereign macroeconomic protection. By relying on analytical forethought rather than post-factum repressions, it enables state agencies to eliminate emerging corporate malfunctions at earlier stages, preserving general socioeconomic balance and establishing transparent feedback.

Keywords: state control, public administration, macroeconomic security, financial oversight, organizational and economic mechanism, audit, risk-based approach.

Научная новизна статьи

Научная новизна исследования заключается в уточнении трактовки финансово-экономического контроля как интегративной функции превентивного регулирования, а также в системном моделировании организационно-экономического механизма его функционирования, что переносит фокус государственного надзора с репрессивных инструментов на управление рисками и предотвращение макроэкономических кризисов.

What this paper adds

The scientific novelty relies on the author's precise definition of financial and economic control as an integrative function of preventive regulation, along with the systemic modeling of its organizational-economic mechanism. This approach redirects the state's oversight focus from repressive tools to proactive risk management.

Введение. Трансформация социально-экономических отношений, обусловленная формированием новых моделей рыночной экономики в условиях нестабильности глобальной макроэкономической среды, требует переосмысления фундаментальных парадигм функционирования государственного аппарата.

В государственном аппарате современного белорусского государства безусловным приоритетом и высшей ценностью выступает обеспечение макроэкономической безопасности, а также поддержание фундаментальной устойчивости и независимости национальной экономической системы [1]. Защита национального суверенитета, противодействие экзогенным угрозам и гарантирование стабильного функционирования социально-экономической модели входит в обязанность органов государственного управления.

В научной литературе детально исследуются отдельные элементы аудита и контроля, однако существует острая потребность в синтезе этих знаний. На сегодняшний день не до конца решены вопросы преодоления методологической разобщенности в нормативной

базе, и слабо изучен интегрированный механизм, соединяющий цели государственного управления с реальными процедурами контроля.

Цель написания статьи: проанализировать поливариантность трактовок государственного контроля, уточнить его теоретическую экономическую сущность и структурировать организационно-экономический механизм (ОЭМ) его функционирования как критически важный инструмент обеспечения макроэкономической стабильности.

Систематизация теоретико-методологических подходов к трактовке сущности государственного контроля. Императив государственной состоятельности, будучи закрепленным на конституционном уровне, определяет стратегический смысл, содержательный вектор и специфику правоприменительной практики, детерминируя всю парадигму деятельности контрольно-надзорных институтов. В данном контексте центральным элементом осуществления публичной власти выступает государственное управление, базовым свойством которого

является перманентное властное воздействие на экономические и социальные объекты.

С позиций кибернетического и системного подходов государственное управление идентифицируется как «целенаправленный, ресурсообеспеченный и непрерывный процесс воздействия уполномоченных субъектов на объекты управления с целью поддержания их в заданном состоянии или перевода в новое качественное состояние» [2, с. 20]. Любой управленческий цикл базируется на классической парадигме, в «которой одним из обязательных звеньев, наряду с планированием, организацией, мотивацией и координацией, является контроль» [3, с. 58].

Функционируя в парадигме современного менеджмента, государство использует контроль как универсальный канал получения «обратной связи». Посредством контроля органы государственного управления устанавливают степень соответствия фактического состояния макро- и микроэкономических систем заранее заданным стандартам. Вместе с тем, в теории и практике отсутствует единство взглядов на концептуальную природу данной категории. Так, в нормативных актах Республики Беларусь и сопредельных государств не всегда установлено строгое и единообразное определение понятия «государственный контроль», в частности в его фи-

нансово-бюджетном выражении, что порождает коллизии при осуществлении данного вида деятельности субъектами [4]. Устранение данной разобщенности возможно лишь на основе синтеза накопленных научных концепций. Концепт исследуется преимущественно через призму трех самостоятельных подходов (таблица 1).

Проведенный анализ демонстрирует историческую и функциональную эволюцию понятия. Ранее преобладали юридически-императивные взгляды, где ключевой функцией считался фискально-надзорный аппарат: зафиксировать нарушение — определить ущерб — применить санкции. Такое видение ведет к усилению административной нагрузки на бизнес. Резюмируя, предлагается интегрировать сугубо экономический смысл в данное понятие.

Финансы представляют собой термин, охватывающий формирование и распределение ресурсов на уровнях первичных звеньев экономики и государства [10]. Отсюда вытекает, что целью контроля выступает не стандартное обнаружение нарушений в документообороте, а получение достоверной фактологии об эффективности использования бюджетных средств для вынесения макроэкономических решений.

Таблица 1. – Систематизация теоретико-методологических подходов к трактовке сущности государственного (финансового) контроля

Авторы (исследователи)	Авторская трактовка понятия «государственный контроль»
С.О. Шохин [5]	Система надзора с целью объективной оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности, выявления внутрихозяйственных резервов увеличения доходов бюджета.
И.А. Белобжецкий [6]	Оценка экономической эффективности производственной и непроизводственной деятельности предприятий, обеспечение сохранности собственности, рост государственных доходов.
В.М. Родионова [7]	Важнейшая функция управления экономическими процессами; не только выявление финансовых нарушений, но специальная целевая направленность на стабилизацию макроэкономики.
М.В. Мельник [8]	Контроль в целях обеспечения единой государственной финансовой политики и защиты публичных и частных экономических интересов; выявление путей повышения результативности деятельности субъектов экономики.
А.И. Бирюков [9]	Часть управления финансами; призвана обеспечить законность, но также в равной мере результативность и эффективность государственных расходов в условиях рынка.

Как подчеркивается в научной литературе, «оценка экономической эффективности финансово-хозяйственной деятельности, выявление резервов ее повышения и улучшение делового климата — фундаментальный базис современного государственного контроля» [11, с. 113].

Учитывая это, общая концепция сводится к следующему: государственный контроль в сфере экономики следует трактовать как специфическую фазу процесса управления народным хозяйством, реализуемую системой уполномоченных органов путем административно-экономического воздействия на участников социально-экономических отношений с целью ретроспективного, текущего и прогнозного сопоставления их финансового, операционного и структурного состояний с императивными нормами и индикаторами стратегических программ государства для максимизации экономической добавленной стоимости, обеспечения национального суверенитета и целевой сохранности государственных фондов и активов.

Детализируя авторский подход, важно перейти к контролю «как процессу». Для имплементации власти общество делегирует

прерогативы, реализуемые лишь системным образом. Связующей субстанцией выступает ОЭМ [12].

ОЭМ государственного контроля — это сложная, многокомпонентная подсистема, представляющая интегрированный комплекс нормативных предписаний, методик, административных процедур и структурно-функциональных связей, которые обеспечивают бесперебойный сбор данных и превенцию экономических потерь.

Цель его заключается в трансформации стратегических задач в области экономической безопасности в практическую плоскость путем ликвидации управленческих дисфункций на этапах возникновения эндогенных и экзогенных рисков.

ОЭМ осуществляет перманентную оценку макропроцессов [12]. Механизм исключает эпизодическое и интуитивное вмешательство госаппарата, замещая его стандартизированными алгоритмами взаимодействия надзирающих органов и субъектов бизнеса. Структурно-концептуальная схема этого механизма (Рисунок 1) включает функционирование ряда интегрированных элементов:

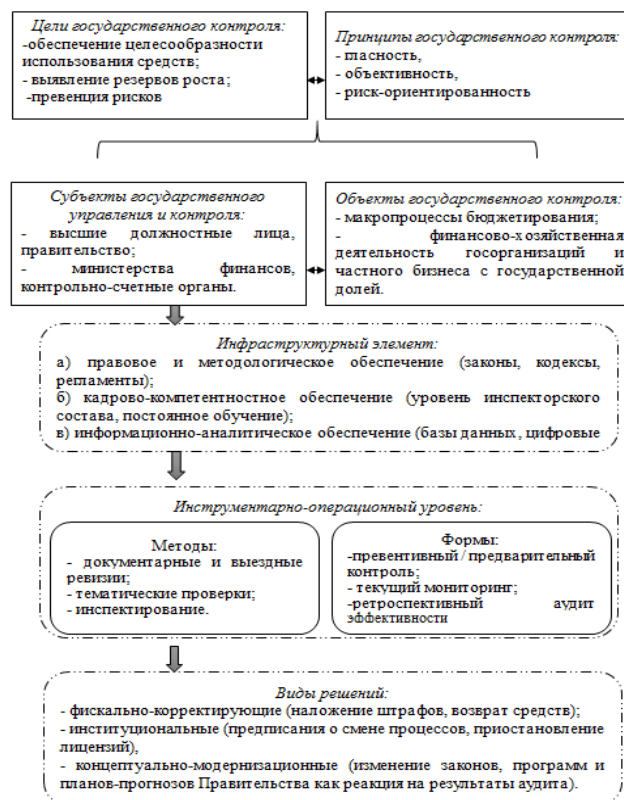

Рисунок 1. — Модель организационно-экономического механизма государственного контроля в системе макроэкономического управления

Институциональный элемент (субъектная среда). Приводится в движение органами (например, ведомства Министерства финансов Республики Беларусь, КГК Республики Беларусь, ведомственный аудит). Иерархически он осуществляет публичную власть и запускает циклы инспектирования в рамках жестко регламентированного мандата [13].

Нормативно-правовой и методологический элемент. Как отмечает И.А. Белобжецкий, контроль – «это целенаправленное сопоставление состояния, предусмотренного определенными актами, с реальной картиной функционирования» [6, с. 23]. Он формирует оценочный эталон и стимулы (стандарты МСФО, кодексы, нормы). Механизм рушится, если законы содержат двойное толкование, следовательно, непрерывное совершенствование правового элемента повышает точность контрольного процесса [14, с. 61].

Инструментарно-операционный (функциональный) элемент. Сформирован совокупностью инспекторских и аналитических процедур (сбор сведений, сопоставление финансово-бухгалтерских фактов, применение методик). Современная тенденция в этой плоскости — «смещение от тотальных документальных проверок в сторону риск-ориентированных и дистанционных методик финансового наблюдения (превентивный цифровой мониторинг), когда бизнес подвергается активным проверкам только в зонах отклонения от паттерна нормы» [15, с. 29].

Экономико-кадровый и информационный элемент. Предполагает ресурсы на функционирование (инспекторы, архивы, ЦОД для big data, IT). Задача — минимизация транзакционных издержек. Содержание аппарата никогда не должно экономически превышать возвращенных капиталов либо величину ликвидированных потенциальных финансовых рисков. Управление надзором сегодня прямо опирается на межведомственные IT-системы [16].

Интеграция этих элементов позволяет реализовать строгие макроэкономические функции механизма государственного контроля:

- аналитическая: ретроспективный и перспективный финансовый анализ (интерпретация отклонений индикативных метрик);

- правоустанавливающая: документальная квалификация событий, легитимизирующая наличие отклонений;

- антиципативная: устранение условий формирования системных финансовых убытков, смещение к превенции экономических кризисов;

- компенсационно-фискальная: применение санкционных мер для восполнения государственных фондов;

- оценочно-методологическая: изучение провалов рынка для выработки обратной связи для Министерства экономики (оптимизация барьеров, налогов, дотаций) [17, с. 36].

Заключение. Государственное управление требует непрерывного регулирующего потока знаний. Применяемый системный метод научного анализа показал, что контроль – это не обособленная «карающая» функция вертикали власти, а созидательная и конструктивная среда, объединяющая объекты, методы и процедуры. Сущность контроля заключается в использовании суверенных прав государства для осуществления управленческого предвидения и обратной связи. Он определяет жизненный цикл макроэкономического планирования.

Исследованный организационно-экономический механизм выступает функциональным фундаментом, интегрирующим в себе интеллектуальный аппарат аудиторов, методики риск-менеджмента и нормативную базу. Его конечная цель состоит в нивелировании кризисных проявлений в бизнесе и поддержании справедливого баланса между жесткой защитой национальной экономики и содействием коммерческой инициативе хозяйствующих субъектов государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) [сайт] // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 12.03.2026).
2. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 3-е изд. – М. : Норма, 2005. – 800 с.
3. Мескон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; пер. с англ. О. И. Медведь. – М. : Вильямс, 2012. – 665 с.

4. Голубев, А. В. Понятие и сущность государственного и муниципального финансово-бюджетного контроля / А. В. Голубев // Финансовое право. – 2008. – № 6. – С. 27–32.
5. Шохин, С. О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в РФ / С. О. Шохин. – М. : Финансы и статистика, 1999. – 352 с.
6. Белобжецкий, И. А. Финансовый контроль и новый хозяйственный механизм / И. А. Белобжецкий. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 256 с.
7. Родионова, В. М. Финансовый контроль : учебник / В. М. Родионова, В. И. Шлейников. – М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2002. – 320 с.
8. Мельник, М. В. Ревизия и контроль : учебное пособие / М. В. Мельник [и др.]. – М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. – 516 с.
9. Бирюков, А. И. Финансовый контроль в теории и практике / А. И. Бирюков // Бюджетный учет. – 2007. – № 3. – С. 51–64.
10. Терхоев, Т. И. Проблемы и перспективы развития внутреннего государственного финансового контроля в Российской Федерации / Т. И. Терхоев // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 55. – URL: <https://esj.today/PDF/35FAVN523.pdf>
11. Ермолович, Л. Л. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности / Л. Л. Ермолович. – Мн. : Совр. Школа, 2010. – 800 с.
12. Вострикова, Л. Г. Финансовое право : учебное пособие / Л. Г. Вострикова. – М. : Юстицинформ, 2007. – 376 с.
13. Грачева, Е. Ю. Финансовый контроль : учеб. пособие / Е. Ю. Грачева [и др.]. – М. : Камерон, 2004. – 272 с.
14. Колесов, Р. В. Система государственного финансового контроля РФ: проблемы и перспективы: монография / Р. В. Колесов, А. В. Юрченко. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2013. – 100 с.
15. Овсянников, Л. Н. Финансовый контроль: какова перспектива? / Л. Н. Овсянников // Финансы : теор. и научно-практич. журнал. – 2010. – № 12. – С. 60–63.
16. Государственный финансовый контроль: федеральные институты : учеб. пособие / Р. Е. Артюхин [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина. – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 216 с.
17. Тотурбиев, А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации / А. А. Тотурбиев // Вестник науки. – 2025. – № 3 (84). – Т. 2. – С. 245–255.

References

1. *Constitution of the Republic of Belarus 1994 (as amended)* [Konstitutsiya Respubliki Belarus 1994 goda], Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus'. Available at: <https://pravo.by/> (accessed: 12.03.2026) (In Russian)
2. Bahrakh D. N., Rossinsky B. V. & Starilov Yu. N. *Administrativnoye pravo* [Administrative law]. Moscow, Norma Publ., 2005. 800 p. (In Russian)
3. Mescon M. H., Albert M. & Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Management]. Moscow, Williams Publ., 2012. 665 p. (In Russian)
4. Golubev A. V. Ponyatie i sushhnost' gosudarstvennogo i municipal'nogo finansovo-byudzhethnogo kontrolya [The concept and essence of state and municipal financial and budget control]. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2008, no. 6, pp. 27–32. (In Russian)
5. Shokhin S. O. *Problemy i perspektivy razvitiya finansovogo kontrolya v RF* [Problems and prospects for development of financial control in the RF]. Moscow, Finance and statistics Publ., 1999. 352 p. (In Russian)
6. Belobzhetsky I. A. *Finansovyy kontrol' i novyy khozyaystvennyy mekhanizm* [Financial control and the new economic mechanism]. Moscow, Finance and statistics Publ., 1989, 256 p. (In Russian)
7. Rodionova V. M. & Shleinikov V. I. *Finansovyy kontrol'* [Financial Control]. Moscow, FBK-PRESS Publ., 2002, 320 p. (In Russian)
8. Melnik M. V., Pantelev A. S. & Zvezdin A. L. *Reviziya i kontrol'* [Audit and Control]. Moscow, FBK-PRESS Publ., 2004, 516 p. (In Russian)
9. Biryukov A. I. *Finansovy`j kontrol' v teorii i praktike* [Financial control in theory and practice]. *Byudzhethnyy uchet* [Budgetary accounting]. 2007, no. 3, pp. 51–64. (In Russian)
10. Terkhoev T. I. *Problemy` i perspektivy` razvitiya vnutrennego gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossijskoj Federacii* [Problems and prospects of internal state fi-

- nancial control development in the Russian Federation]. *Vestnik yevraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2023, vol. 15, no. 5s. (In Russian). Available at: <https://esj.today/PDF/35FAVN523.pdf>
11. Yermolovich L. L. *Analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti v promyshlennosti* [Analysis of economic activity in industry]. Minsk, Sovremennaya shkola Publ., 2010, 800 p. (In Russian)
 12. Vostrikova L. G. *Finansovoe pravo* [Financial law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2007, 376 p. (In Russian)
 13. Gracheva, E. Yu. et al. *Finansovyy kontrol'* [Financial control]. Moscow, Cameron Publ., 2004. 272 p. (In Russian)
 14. Kolesov R. V., Yurchenko A. V. *Sistema gosudarstvennogo finansovogo kontrolya RF* [The system of state financial control in the RF]. Yaroslavl, MFUA Publ., 2013, 100 p. (In Russian)
 15. Ovsyannikov L. N. Finansovy`j kontrol': kakova perspektiva? [Financial control: what is the prospect?]. *Finansy* [Finance]. 2010, no. 12, pp. 60–63. (In Russian)
 16. Artyukhin R. E., Kozyrin A. N. & Yalbulganov A. A. *Gosudarstvennyy finansovyy kontrol': federal'nyye instituty* [State Financial Control: Federal Institutions]. Moscow, HSE Publ., 2023, 216 p. (In Russian)
 17. Toturbiev A. A. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo kontrolya v usloviyakh czifrovizaczii [Improving state control in the context of digitalization]. *Vestnik nauki* [Science Herald]. 2025, vol. 2, no. 3(84), pp. 245–255. (In Russian)

Received 14.04.2026

УДК 331.1 : 332.14 : 336

Е.М. КОЛОСОВСКАЯ

аспирант

Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*Статья поступила 15.04.2026 г.*

МОЛОДЕЖНЫЙ СТАРТАП КАК КАТЕГОРИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ, КРИТЕРИИ И МОДЕЛЬ ЭКОСИСТЕМНОЙ ПОДДЕРЖКИ

***Целью** данной статьи является совершенствование теоретических и институциональных основ формирования экосистемы молодежного стартапа применительно к экономике Республики Беларусь.*

***Материалы и методы.** В настоящем исследовании использованы материалы и методы, направленные на определение природы молодежного стартапа и выявление его ключевых особенностей. В статье представлен системный анализ, сравнительный подход и контент-анализ элементов стартап-экосистемы*

***Результат.** В статье на основе сравнительного анализа понятий «стартап», «молодежный стартап», «молодежное предпринимательство» выявлены их сущностные различия по таким критериям, как возраст основателей, мотивация, источники финансирования, толерантность к риску, роль образования и менторов, юридическая форма, сфера деятельности. Определено, что ключевыми характеристиками молодежных стартапов являются совмещение предпринимательской активности с образовательным процессом, повышенная толерантность к риску, эффект «цифровой социализации», ограниченный доступ к банковскому кредитованию и юридические барьеры для несовершеннолетних основателей. Выявлена потребность в формировании специализированной статистической отчетности по молодежным стартапам (отдельно от общих показателей малого и среднего предпринимательства), а также в выделении термина «молодежный стартап» в самостоятельную категорию для разработки адресных мер государственной поддержки, в связи с чем предложена трехуровневая система взаимодействия элементов стартап-экосистемы.*

***Заключение.** Разработанная трехуровневая модель взаимодействия, включающая в качестве субъектов школу, университет и корпоративный венчурный фонд, обеспечивает интеграцию и систематизацию деятельности по развитию молодежного стартап-движения. Данная модель создает условия для преемственности этапов формирования стартап-компетенций и формирует четкое представление о траекториях развития молодежных стартап-проектов.*

***Ключевые слова:** стартап, молодежный стартап, молодежное предпринимательство, экосистема-стартапа, венчурный фонд, инновационная деятельность.*

KALASOUSKAYA K.M., Postgraduate Student
Polessky State University, Pinsk, Republic of Belarus

THE YOUTH STARTUP AS A CATEGORY OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP: CONCEPT, CRITERIA, AND ECOSYSTEM SUPPORT MODEL

This article aims to improve the theoretical and institutional foundations for the formation of a youth startup ecosystem in the context of the economy of the Republic of Belarus.

Materials and Methods. *This study employs materials and methods aimed at defining the nature of a youth startup and identifying its key features. The article presents a systemic analysis, a comparative approach, and a content analysis of startup ecosystem elements.*

Results. *Using a comparative analysis of the concepts «startup», «youth startup» and «youth entrepreneurship», this article reveals their essential differences according to the following criteria: founder age, motivation, sources of financing, risk tolerance, the role of education and mentors, legal form, and area of activity. The study finds that the key characteristics of youth startups are the combination of entrepreneurial activity with the educational process, increased risk tolerance, the effect of «digital socialization», limited access to bank credit, and legal barriers facing underage founders. The article identifies the need to develop specialized statistical reporting on youth startups (separate from general small and medium enterprise indicators) and to establish «youth startup» as an independent category for the purpose of designing targeted state support measures. In response, a three-level system of interaction among the elements of the startup ecosystem is proposed.*

Conclusion. *The proposed three-level interaction model – encompassing a school, a university, and a corporate venture capital fund as its key actors – integrates and systematizes efforts to foster the youth startup movement. This model establishes conditions for the continuity of startup competence development stages and offers a clear vision of the growth trajectories of youth startup projects.*

Keywords: *startup, youth startup, youth entrepreneurship, startup ecosystem, venture capital fund, innovation activity.*

Введение. Современные реалии, характеризующиеся стремлением государств к укреплению технологического суверенитета, обуславливают необходимость поиска решений, направленных на развитие инновационной активности. Данная тенденция обуславливает потребность в формировании и исследовании «стартап-движения», которое сегодня рассматривается как драйвер экономического роста и инновационного развития страны. Феномен стартапа, первоначально ассоциировавшийся с высокотехнологичными проектами в сфере ИТ [1, с. 53–54], в настоящее время распространился на различные секторы экономики и стал важным элементом современной предпринимательской культуры. Повышенное внимание к стартапам актуализирует необходимость систематизации существующих подходов к определению понятия «стартап». На основе трудов зарубежных авторов (С. Бланк, Э. Рис и др.) стартап может быть охарактеризован как временная структура, предназначенная для поиска масштабируемой бизнес-модели и функционирующая в условиях высокой степени неопределенности [2; 3; 4]. В работах российских исследователей, например в работах П. А. Сатаевой и К. А. Соловейчика [5, с. 96], преобладает аналогичный подход, и выделяются следующие сущностные характеристики стартапа: инновационность, по-

тенциал масштабирования бизнес-модели, высокий уровень риска, временный характер деятельности и непродолжительный срок существования. Актуальность изучения стартап-движения в Республике Беларусь обусловлена структурной трансформацией национальной экономики в направлении высокотехнологичного и наукоемкого уклада. Исследование стартап-движения на современном этапе представляет собой междисциплинарную задачу, интегрирующую экономическую, правовую и социологическую проблематику. Государственная политика, ориентированная на создание бесшовной системы поддержки — от генерации идеи в студенческой среде до масштабирования бизнеса в рамках преференциальных режимов (Парк высоких технологий, индустриальный парк «Великий камень», технопарки), — требует дальнейшей доработки, особенно в области законодательного закрепления механизмов венчурного финансирования. Одновременно с этим существенное внимание уделяется молодежному стартап-движению, позиционируемому не только как инструмент самореализации молодежи, но и как стратегический ресурс обеспечения технологического суверенитета и экономической безопасности государства.

Основная часть. На сегодняшний день многие страны делают акцент именно на мо-

лодежном стартап-движении, поскольку данная категория в меньшей степени связана устоявшимися отраслевыми нормами, что позволяет предлагать рынку новые и рискованные идеи. Именно молодежь активно осваивает передовые технологии и способна генерировать новые форматы взаимодействия.

Теоретическое осмысление феномена молодежного предпринимательства широко представлено в современных исследованиях, так, например, важный вклад внес Меркулов П.А., исследовавший механизмы вовлечения молодежи в инновационную деятельность, а также социокультурные особенности *молодых российских учредителей компаний* [6]. Белорусский исследователь Шумилин А.Г. в своих работах изучал вопросы стимулирования инновационной активности в Республике Беларусь, включая функционирование технопарков и участие молодежи в инновационном предпринимательстве [7].

Рассмотрев различные подходы к определению и формированию стартапов, а также изучению стартап-движения как такового, мы выявили необходимость в изучении термина «молодежный стартап», который до настоящего времени не был широко исследован. Был проведен сравнительный анализ таких понятий, как «молодежный стартап», «стартап» и «молодежное предпринимательство», по ряду критериев. Результаты анализа представлены в таблице.

Проведенный анализ критериев дифференциации позволил выделить ряд уникальных характеристик молодежных стартапов, не свойственных возрастным основателям. К ключевым факторам относятся:

- совмещение предпринимательской активности с образовательным процессом, порождающее двойную нагрузку (от доступа к вузовским акселераторам и менторской поддержке до рисков отчисления и дефицита времени);
- повышенная толерантность к риску вследствие отсутствия иждивенцев и ипотечных обязательств;
- эффект «цифровой социализации», благодаря которому молодые люди демонстрируют естественное владение современными маркетинговыми каналами.

Кроме того, для молодежных стартапов характерен ограниченный доступ к банковскому кредитованию вследствие отсутствия

кредитной истории и залогового обеспечения, что компенсируется семейной поддержкой, которая выражается не столько в денежных вливаниях, сколько в обеспечении бытовых потребностей основателя. Для основателей младше 18 лет дополнительным барьером выступает ограниченная юридическая дееспособность, требующая нотариально удостоверенных согласий родителей на совершение сделок

Идентификация и разделение универсальных и специфических факторов молодежного стартапа имеют важное значение для дальнейшего изучения молодежного стартап-движения как отдельного объекта экономического анализа. Без такого разграничения возникает риск применения ошибочных критериев оценки проектов и, как следствие, формирования нерелевантных мер государственной поддержки. В контексте Республики Беларусь, где в последние годы активизирована работа со студенческой инновационной средой, учет специфических факторов позволяет обоснованно корректировать существующие инструменты.

На основе анализа различных подходов к определению стартапа, а также научных трудов белорусских и российских авторов по проблематике молодежного предпринимательства, сформулировано авторское определение понятия «молодежный стартап»:

«Молодежный стартап» – это временная структура, созданная молодыми людьми в возрасте от 14 до 35 лет, основная цель которой заключается в поиске воспроизводимой и масштабируемой бизнес-модели в условиях высокой неопределенности.

Выбор возрастного диапазона в данном определении не является произвольным. Нижняя граница (14 лет) обоснована получением паспорта, наступлением частичной дееспособности согласно законодательству, а также возникновением права на трудовую деятельность с согласия родителей [8]. В отношении верхней границы: Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» (2009г.) относит к молодым гражданам лиц в возрасте от 14 до 31 года, однако при участии в грантовых программах и конкурсах возрастная категория может расширяться до 35 лет. На территории Российской Федерации, согласно законодательству, к молодежи относятся лица от 14 до 35 лет.

Таблица – Дифференциация критериев классических и молодежных стартапов, молодежного предпринимательства

Отличительный признак	Молодежный стартап	Стартап (в стандартном его понимании)	Молодежное предпринимательство
Возраст основателей	лица от 14 до 35 лет	Без возрастных ограничений (однако, согласно мировой статистике, чаще всего успешные стартапы основаны лицами в возрасте 34-45 лет)	18-30 лет, допускается самозанятость несовершеннолетних (с 14 лет с согласия родителей)
Наличие предпринимательского опыта	Минимальный или нулевой, часто стартап – это первый бизнес-проект	есть предыдущий опыт (в том числе неудачные стартапы)	от отсутствия опыта до нескольких лет деятельности в малом бизнесе
Мотивация	Самореализация, стремление к преобразованию социальной среды	Максимизация прибыли, выход на IPO, расширение рыночной доли	Получение самостоятельного дохода, достижение финансовой независимости
Источники финансирования	Гранты, конкурсы, бизнес-ангелы, FFF, венчурное финансирование, краудфандинг	Венчурное финансирование, бизнес-ангелы, кредиты	личные сбережения, кредиты, меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса
Доступ к венчурному капиталу	Ограниченный доступ	Доступен при наличии трекшена и сформированной команды	Не релевантен
Роль образования и менторов	Ключевая роль, так как молодежный стартап, как правило, является продуктом акселерационных программ, стартап-школ, хакатонов или вузовских образовательных проектов, направленных на развитие предпринимательских компетенций	значим полученный жизненный опыт. Участие в акселерационных программах осуществляется на платной основе в частных организациях	Важную роль играет образование, получаемое в рамках курсов по предпринимательству и поддержке малого бизнеса
Толерантность к риску	Очень высокая (готовность к неудаче)	Умеренная или низкая	Высокая, однако с учётом риск-факторов
Период планирования	Краткосрочный (3-6 месяцев до очередного гранта или демо-дня). Гибкая стратегия	Средне- и долгосрочный (2-5 лет до следующего раунда инвестиций или выхода)	преимущественно краткосрочный (до 1 года)
Сфера деятельности	Преимущественно IT, цифровые платформы, EdTech, FinTech, GreenTech	Любые высокотехнологичные и инновационные сферы	Преимущественно традиционный малый бизнес: розничная торговля, общепит, услуги
Юридическая форма	Часто – самозанятый, ИП, ЧУП, реже ООО. Возможно отсутствие регистрации на стадии идеи	Как правило, ООО (или его аналог), регистрация в качестве юридического лица	Чаще ИП или самозанятость. Возможна работа без регистрации (в «серой зоне» на начальном этапе)
Государственная поддержка	Специализированные программы: гранты для молодых ученых, стартап-школы, налоговые каникулы для молодежи	Общие меры поддержки инноваций (технопарки, инновационные гранты)	Программы содействия молодежной занятости: субсидии на открытие бизнеса, льготные кредиты

Примечание – Источник: авторская разработка

Проведенный анализ природы понятий «молодежный стартап», «классический стартап» и «молодежное предпринимательство» свидетельствует о наличии различных критериев и факторов, присущих каждой из категорий. Данное обстоятельство обуславливает необходимость выделения термина «молодежный стартап» в отдельную категорию для выработки специфических мер государственной поддержки. Кроме того, требуется формирование специализированной отчетности, отражающей статистику не только по стартапам в целом, но и по молодежным стартапам. Необходимость этого обусловлена отсутствием соответствующих сведений в действующей системе отчетности. В настоящее время доступная информация интегрирована в общий массив показателей малого и среднего предпринимательства, тогда как, как было продемонстрировано выше, между названными группами наблюдаются значимые различия.

Функционирование стартапов не может рассматриваться изолированно от институциональной и инфраструктурной среды, в которой они возникают и развиваются. Данная среда, получившая в литературе наименование «стартап-экосистема», оказывает определяющее влияние на выживаемость проектов, их доступ к ресурсам и способам масштабирования.

Поскольку молодежные стартапы особенно чувствительны к качеству экосистемной поддержки (акселераторы, гранты, менторство), далее представляется необходимым охарактеризовать национальную стартап-экосистему как совокупность взаимосвязанных акторов, регуляторных механизмов и каналов финансирования.

Стартап-экосистема Республики Беларусь в настоящее время находится на этапе активного формирования и институционального становления. Ключевую роль в развитии данной сферы играет Парк высоких технологий (ПВТ), который выступает в качестве центрального элемента национальной инновационной инфраструктуры, в особенности для стартапов в области информационных технологий и искусственного интеллекта.

Объединяя участников экосистемы, ПВТ формирует благоприятную среду для создания и развития стартап-проектов, объединяя на сегодняшний день более 1000 резидентов. Для резидентов ПВТ предоставляются нало-

говые льготы, упрощение административных процедур, возможность использования эффективных финансовых инструментов и взаимодействия с потенциальными инвесторами [9]. В рамках Парка высоких технологий особое внимание уделяется проектам, связанным с разработкой ИИ-решений, что способствует автоматизации процессов и созданию интеллектуальных систем. ПВТ также предлагает менторские программы и обучение, направленные на эффективное развитие стартапов и их выход на международные рынки. Наряду с этим ПВТ инициирует и поддерживает новые программы молодежного предпринимательства, ориентированные на «выращивание» инновационных проектов в университетской среде.

Значимым инструментом выявления и поддержки инновационных инициатив является республиканский конкурс «100 идей для Беларуси». Организаторами конкурса выступают Министерство образования, Белорусский республиканский союз молодежи, Государственный комитет по науке и технологиям и Национальная академия наук Беларуси. К участию допускаются школьники, учащиеся колледжей и студенты высших учебных заведений. Основная цель конкурса – популяризация инновационного мышления, поиск и поддержка талантливой молодежи, привлечение ее к решению социально значимых для страны задач. Конкурс представляет собой многоступенчатую систему отбора, включающую региональные, областные и республиканский этапы, завершающиеся гранд-финалом. За 15 лет существования конкурса на него поступило свыше 21,3 тыс. заявок, в рамках которых было реализовано более 3,6 тыс. инициатив.

Популярностью в молодежной среде пользуется конкурс «Молодежных инициатив», который позволяет молодым людям представить свои проекты и получить финансирование на их реализацию. Специфика данного конкурса заключается в его ориентации на проекты социального характера и образовательные инициативы, что обеспечивает его популярность в возрастной группе от 18 до 31 года.

Венчурный рынок Республики Беларусь в настоящее время представлен такими институтами, как Белорусский инновационный фонд (Белинфонд) и Российско-Белорусским фондом венчурных инвестиций (RBF

Ventures). Белинфонд, созданный в 1998 году и являющийся государственной некоммерческой организацией, осуществляет свою деятельность по принципам долгосрочного и возвратного финансирования инновационных разработок, венчурных проектов и работ по организации и освоению производства, с возможностью долевого участия при создании и деятельности хозяйствующих субъектов [10]. Финансирование инновационных проектов фондом осуществляется на возвратной основе, однако для субъектов малого и среднего предпринимательства могут предоставляться ваучеры и гранты.

Помимо этого, Белинфонд ежегодно проводит Республиканский конкурс инновационных проектов, который проводится в двух номинациях: «Лучший инновационный проект» и «Лучший молодежный инновационный проект». Для участия в номинации «Лучший молодежный инновационный проект» обязательным условием является возраст участников до 31 года. Для участников данной номинации предусмотрено снижение требований к составу заявочной документации, а именно вместо развернутого бизнес-плана допускается представление технико-экономического задания, что существенно снижает барьеры подготовки документации для молодых участников. Преимуществами участия в конкурсе также являются возможность прослушать лекции о предпринимательстве, правилах составления бизнес-плана и презентации и применить полученные знания на практике. В случае победы инновационного проекта в конкурсе предусмотрен призовой фонд до 4 тыс. белорусских рублей, а также дополнительные 25 тыс. белорусских рублей на развитие проекта. Таким образом, предельный уровень финансовой поддержки фонда может составить около 30 тыс. белорусских рублей. Эта сумма достаточна в качестве первоначального капитала, однако недостаточна для последующей реализации инновационного проекта в полном объеме. Белинфонд также активно взаимодействует с Государственным комитетом по науке и технологиям для разработки бизнес-планов для победителей различных республиканских конкурсов, включая «100 идей для Беларуси».

Дальнейшее финансирование стартап-проекта можно получить в рамках сотрудничества с Белорусско-Российским фондом, так

как фокус фонда ориентирован на технологические стартапы посевной стадии (seed) и стартапы в стадии роста (А). Инвестиции могут быть предоставлены путем вхождения в капитал или посредством выдачи конвертируемого займа. Целевая доля фонда рассчитана от 10% до 40%, однако данные условия зависят непосредственно от самого инновационного проекта. Максимальный объем инвестиций для стартапов посевной стадии составляет 300 тыс. долларов, для компаний в стадии роста – 2 млн. долларов.

Деятельность вышеназванных фондов направлена на работу с лицами, достигшими 18-летнего возраста и уже имеющими определенные знания, навыки и опыт в рамках продвигаемых инновационных проектов.

В структуре национальной стартап-экосистемы банковскому сектору отводится двойственная роль. С одной стороны, банки выступают в качестве традиционных финансовых посредников, предоставляя кредитные ресурсы, расчетно-кассовое обслуживание и гарантийные инструменты для субъектов инновационной деятельности. С другой стороны, в условиях недостаточной развитости венчурного рынка и ограниченного доступа стартапов к «длинным» деньгам, банки начинают осваивать нетрадиционные для себя функции – участие в акселерационных программах, организацию конкурсов стартап-проектов, предоставление менторской поддержки и создание специализированных центров притяжения для предпринимателей, тем самым финансово-кредитные институты трансформируются из кредиторов в полноценных экосистемных партнеров, способствующих снижению барьеров входа для новых инновационных проектов и повышению их выживаемости на начальных этапах. Таким образом, традиционная модель банковского риск-менеджмента, ориентированная на залоговое обеспечение и кредитную историю, вступает в противоречие с высокой неопределенностью стартап-проектов, что вынуждает банки искать гибридные формы взаимодействия с молодыми компаниями.

В качестве примера можно привести ОАО «Белагропромбанк», который активно вовлечен в развитие предпринимательской и инновационной деятельности посредством реализации сразу нескольких собственных проектов. Одним из них является сеть центров притяжения «Igrow», которые формируют

инфраструктуру для поддержки малого и среднего предпринимательства. На базе этих центров организуются семинары и мастер-классы с участием представителей реального сектора экономики, банков и государственных структур. Все это позволяет создавать и развивать бизнес-сообщества не только в отдельных регионах, но и по всей стране. Еще одной значимой инициативой банка является проведение конкурсной программы «Стартап-марафон», пятый сезон которой стартовал в 2026 году (призовой фонд конкурса составляет 750 базовых величин). Конкурсная программа, рассчитанная на 6 месяцев, является открытой для стартап-проектов на разных стадиях развития – от посевной стадии до стадии роста, и включает обучение под руководством экспертов бизнес-сообщества Igrow. Проекты отбираются в двух основных номинациях: «Успешный старт» и «Эффективный бизнес-стартап». Также предусмотрены отдельные номинации для женщин: «Лучшая женская стартап-идея» и «Лучший женский бизнес». Главным призом участия в конкурсе является денежная премия на развитие бизнес-идеи для победителя в каждой номинации, а также менторское сопровождение [11].

Важным этапом становления стартап-экосистемы Республики Беларусь стала победа консорциума отечественных институтов развития в конкурсе пилотных проектов, организованном Программой развития ООН (ПРООН). Коалиция, объединившая усилия Бизнес-союза предпринимателей и нанимателей имени М. Кунявского, ОАО «Белагропромбанк» и ряда технопарков, получила право на реализацию инициативы по совершенствованию механизмов сопровождения новых венчуров.

Основная задача реализуемого в 2025-2026 годах пилотного проекта – это формирование устойчивой сети поддержки молодежного стартап-движения. Проект под эгидой ПРООН предполагает внедрение лучших международных практик в локальную инфраструктуру, что в дальнейшем позволит усилить кооперационные связи между финансовым сектором, образовательной средой, технопарками и предпринимательским сообществом [12]. Особенностью проекта является акцент на формирование класса корпоративных венчурных инвесторов, в том числе корпоративных венчурных фондов. Важно также

отметить, что реализация проекта опирается на ресурсы высших учебных заведений страны (как поставщиков молодежных стартапов) и возможности ПВТ и технопарков (организация и координация корпоративных участников).

Результатами реализации данной инициативы по итогам прошлого года стали:

- совместная работа 6 партнерских организаций по развитию и популяризации стартап-движения в стране;
- проведение 4 стратегических сессий, участие в которых приняло 80 человек;
- проведение программы повышения квалификации для 12 руководителей технопарков;
- участие представителей бизнес-сообщества в практико-ориентированных семинарах по обмену опытом между предпринимателями и создателями стартапов [13].

Анализ опыта Республики Беларусь позволяет заключить, что национальная стартап-экосистема находится на этапе формирования, для нее характерно преобладание государственных источников финансирования и централизация инфраструктуры поддержки, основной акцент в развитии – ориентация на системную работу с молодежью. Ключевыми проблемами современного этапа являются разрыв между начальным капиталом и полноценным венчурным финансированием (после seed-раундов нет «длинных» денег), а также слабая связь между вузами и реальным сектором экономики.

В настоящий момент в Беларуси наблюдается низкая эффективность трансфера молодежных инновационных разработок в реальный сектор экономики. Сложившаяся система финансирования молодежных стартапов не носит системного характера: отдельные конкурсы и грантовые инструменты не компенсируют отсутствия последовательной венчурной поддержки и механизмов пост-проектного сопровождения, что, в свою очередь, ведет к потере инновационного потенциала и оттоку талантливой молодежи в другие юрисдикции.

Это обуславливает целесообразность формирования многоуровневой системы финансирования молодежных стартапов.

Начиная со школьного возраста, необходимо вовлекать молодых людей в предпринимательскую деятельность посредством об-

разовательных программ в области бизнеса и финансов, а также участия в стартап-конкурсах.

Необходимо выстроить работу с молодыми предпринимателями, в том числе потенциальными, таким образом, чтобы итогом участия в стартап-конкурсах и проектах, инициируемых организациями реального сектора экономики, являлось либо создание нового предприятия (или бизнеса без образования юридического лица), либо трудоустройство молодых людей в штат организации для продолжения работы над инновационным проектом.

Авторская схема взаимодействия элементов стартап-экосистемы, ориентированных на работу с лицами в возрасте от 14 до 35 лет, наглядно представлена на рисунке.

Представленная на рисунке схема взаимодействия описывает трехуровневую инновационную экосистему с четкой преемственностью и интеграцией различных элементов. Первый уровень предполагает вовлечение школьников в предпринимательскую среду и формирование начальных предпринимательских компетенций с использованием инструментов проблемно-ориентированного обучения (бизнес-кейсы, хакатоны) во взаимодействии с университетами.

Второй уровень, университетский, выполняет функцию институционального инкубатора, в рамках которого академические знания целенаправленно конвертируются в технологические решения. Ключевым элементом является внешний запрос от организаций

на создание инноваций по профилю их деятельности.

Третий уровень предполагает взаимодействие с корпоративными венчурными фондами. В рамках данного взаимодействия корпоративные фонды могли бы выступать в роли экспертов на ежегодных вузовских стартап-конкурсах и в рамках собственных номинаций присуждать денежные призы перспективным проектам по направлениям своей деятельности, что также могло бы способствовать росту инновационной активности молодых стартаперов. Этот уровень связан с университетским – в случае тесного сотрудничества проекта с определенным корпоративным фондом возникает возможность продажи проекта либо слияния с организацией. Следовательно, еще одной актуальной задачей является разработка законодательной базы для создания и популяризации корпоративных венчурных фондов в реальном секторе экономики – эта работа уже ведется в рамках пилотного проекта ПРООН.

Таким образом, предложенная схема представляет собой систему с положительной обратной связью. Организации, формулируя свои запросы на инновационные решения, задают вектор для развития молодых людей на самых ранних стадиях. Образовательные учреждения, в свою очередь, предоставляют им готовые решения и команды.

Это создает устойчивый цикл генерации, селекции и внедрения инноваций, где ценность создается на стыке образования, предпринимательства и корпоративной стратегии.

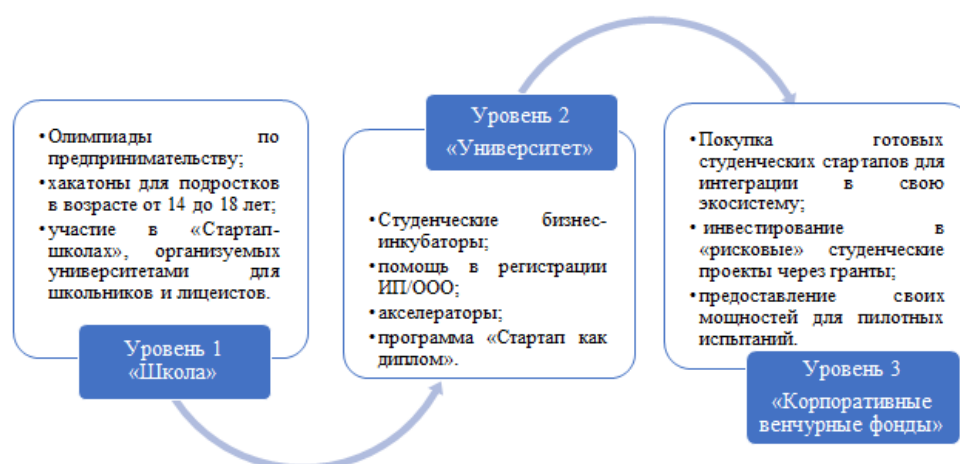

Рисунок – Сквозная трехуровневая система взаимодействия элементов стартап-экосистемы, направленных на работу с молодыми людьми в возрасте от 14 до 35 лет

Примечание – Источник: собственная разработка автора.

Заключение. Молодежное стартап-движение в Республике Беларусь обладает значительным потенциалом, который не может быть реализован без системной трансформации экосистемы: перехода от разрозненных конкурсно-грантовых инструментов к непрерывному циклу «образование – генерация идей – менторская поддержка – посевное финансирование – корпоративный венчур – масштабирование».

Последние годы заметно активизировалась деятельность всех участников экосистемы стартапов в Беларуси, но ряд проблем по-прежнему не решен: эффективность коммерциализации молодежных инновационных разработок остается невысокой (трансфер технологий из вузов в реальный сектор экономики носит фрагментарный характер); отсутствует институционально оформленная система финансирования молодежных стартапов (отдельные конкурсы и гранты не компенсируют дефицита последовательной венчурной поддержки и пост-проектного сопровождения); сохраняется разрыв между начальным и последующим финансированием (суммы, предоставляемые Белинфондом, достаточны лишь для старта, но недостаточны для масштабирования); кооперационные связи между университетами и производственной сферой не носят постоянного, устойчивого характера (следствием чего является потеря инновационного потенциала и отток талантливой молодежи).

Нами разработана сквозная трехуровневая система взаимодействия элементов стартап-экосистемы (школьный – университетский – корпоративный венчурный уровни), которая ориентирована на молодых предпринимателей и создает условия эффективного взаимодействия всех акторов системы – организации формулируют запросы на инновации, образовательные учреждения готовят команды и решения, корпоративные фонды финансируют и масштабируют успешные проекты.

В качестве первоочередных мер, обеспечивающих эффективное развитие национальной стартап-экосистемы, нами также рекомендуется:

– внедрение гибких образовательных траекторий (например, адаптация к национальной образовательной среде российской программы «Стартап как диплом»);

– упрощение административных барьеров для несовершеннолетних основателей;

– законодательное закрепление механизмов функционирования корпоративных венчурных фондов;

– создание многоуровневой системы финансирования молодежных стартапов (гранты, льготное кредитование, налоговые стимулы для бизнес-ангелов);

– обеспечение трудоустройства молодых разработчиков либо создания новых предприятий по итогам участия в конкурсах.

Предложенная авторская трехуровневая модель и сформулированные рекомендации могут служить основой для корректировки государственной молодежной и инновационной политики, а также для дальнейших эмпирических исследований в области коммерциализации молодежных инноваций.

Список использованных источников

1. Су, Цян. Формирование стартап-экосистемы в Республике Беларусь / Су Цян // Банковский вестник. 2022. – №12/713. – С. 53–64.
2. Бланк, С. Стартап. Настольная книга основателя / С. Бланк, Б. Дорф ; пер. с англ. Т. Гутман [и др.]. – 2-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 614 с.
3. Рис, Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели = The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses / Э. Рис ; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2014. – 256 с.
4. Предпринимательство и стартапы : сборник статей / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 156 с.
5. Сатаев, П.А. Стартапы в экономике: понятие, сущность и характеристики / П.А. Сатаев, К.А. Соловейчик // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 92–110.
6. Меркулов, П. А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста / П. А. Меркулов. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 42–52. – DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-42-52.
7. Шумилин, А. Г. Государственное стимулирование развития инновационной деятельности в Беларуси и роль технопарков в поддержке инноваций / А. Г. Шумилин.

- Текст : электронный // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://www.gknt.gov.by/be/notes/stati/gosudarstvennoe-stimulirovanie-razvitiya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-belarusi-i-rol-tekhnoparkov-v/> (дата обращения: 10.04.2026).
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 08 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : (ред. от 09.12.2025) : ст. 21 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [сайт] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2026. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296> (дата обращения: 11.04.2026). – Текст : электронный.
 9. ПВТ сегодня / Парк высоких технологий. – URL: <https://www.park.by/http/about/> (дата обращения: 08.04.2026). – Текст : электронный // Парк высоких технологий : [официальный сайт]. – Мн., 2005–2026.
 10. Законодательство / Белорусский инновационный фонд. – URL: <https://belinfund.by/zakonodatelstvo/> (дата обращения: 08.05.2026). – Текст : электронный // Белорусский инновационный фонд : [сайт]. – Мн., 2020–2026.
 11. Стартап-марафон : [официальная страница конкурсной программы] / ОАО «Белгпромпромбанк». – Мн., 2026. – URL: <https://www.belapb.by/malomu-i-srednemu-biznesu/ekosistema-belagroprombanka/startap-marafon/> (дата обращения: 08.04.2026). – Текст : электронный.
 12. Стартап-движение в Беларуси получило поддержку ПРООН : [новость] / Office Life. – Мн., 2024. – URL: <https://officelife.media/news/58254-startap-dvizhenie-v-belarusi-poluchilo-podderzhku-proon/> (дата обращения: 10.04.2026). – Текст : электронный.
 13. Крупский, Д. М. Проектная инициатива БСПН им. Кунявского : подводим итоги, думаем о будущем [сайт] / Д. М. Крупский // Стартап-движение – шанс и социальный лифт для молодежи Беларуси : презентация. – Мн., 2025. – URL:

<https://bspn.by/index.php/home/novosti/4712-povysit-status-startap-dvizheniya>.

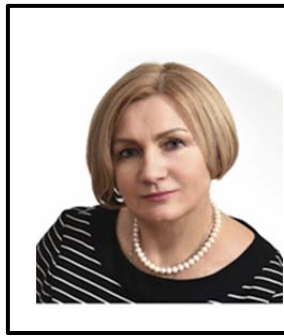
References

1. Su Qiang Formirovanie startap-e`kosistemy` v Respublike Belarus` [Formation of a Startup Ecosystem in the Republic of Belarus]. *Bankovskij vestnik* [Banking Bulletin]. 2022, no. 12/713, pp. 53–64. (In Russian)
2. Blank S., Dorf B. *Startup. Nastol'naya kniga osnovatelya* [Startup. A Founder's Handbook]. Moscow. Alpina Publisher, 2014, 614 p. (In Russian)
3. Rees E. *Biznes s nulya. Metod Lean Startup dlya by'strogo testirovaniya idej i vy'bora biznes-modeli* [Business from Scratch. The Lean Startup Method for Rapidly Testing Ideas and Selecting a Business Model]. Moscow. Alpina Publisher, 2014, 256 p. (In Russian)
4. *Predprinimatel'stvo i startapy* [Entrepreneurship and Startups]. Moscow. Alpina Publisher, 2023, 156 p. (In Russian)
5. Satayev P.A., Soloveichik K.A. Startapy` v e`konomike: ponyatie, sushhnost` i kharakteristik [Startups in the Economy: Concept, Essence, and Characteristics]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. E`konomicheskie nauki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnical University. Economic Sciences]. 2021. Vol. 14, no. 5, pp. 92–110. (In Russian)
6. Merkulov P. A. Molodezhnoe predprinimatel'stvo kak faktor ustojchivogo sotsial'no-e`konomicheskogo rosta [Youth Entrepreneurship as a Factor in Sustainable Socio-economic Growth]. *Srednerusskij vestnik obshchestvenny`kh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2017. Vol. 12, no. 3, pp. 42–52. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-42-52. (In Russian)
7. Shumilin A. G. Gosudarstvennoe stimulirovanie razvitiya innovatsionnoj deyatel'nosti v Belarusi i rol` tekhnoparkov v podderzhke innovatsij [State stimulation of the development of innovative activity in Belarus and the role of technology parks in supporting innovations]. *Gosudarstvenny`j komitet po nauke i tekhnologiyam Respubliki Belarus`* [State Committee on Science and Technology of the Republic of Belarus]. 2022. (In Russian). Available at: <https://www.gknt.gov.by/be/notes/stati/gosud>

- arstvennoe-stimulirovanie-razvitiya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-belarusi-i-rol-tehnoparkov-v/ (accessed: 10.04.2026).
8. *Trudovoj kodeks Respubliki Belarus'* [Labor Code of the Republic of Belarus]. July 26, 1999 No. 296-Z: adopted by the House of Representatives on June 8, 1999: approved by the Council of the Republic on June 30, 1999: (as amended on December 9, 2025): Art. 21. ETALON. Legislation of the Republic of Belarus Minsk, 2026. (In Russian). Available at: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296> (accessed: 11.04.2026).
 9. *PVT segodnya / Park vy`sokikh tekhnologij* [HTP Today / High-Tech Park]. Minsk, 2005–2026. (In Russian). Available at: <https://www.park.by/http/about/> (accessed: 08.04.2026).
 10. *Zakonodatel'stvo / Belorusskij innovatsionny`j fond* [Legislation. Belarusian Innovation Fund]. Minsk, 2020–2026. (In Russian). Available at: <https://belinfund.by/zakonodatelstvo/> (accessed: 08.04.2026).
 11. *Startup-marafon* [Startup Marathon]. OJSC Belagroprombank. Minsk, 2026. (In Russian). Available at: <https://www.belapb.by/malomu-i-srednemu-biznesu/ekosistema-belagroprombanka/startap-marafon/> (accessed: 08.04.2026).
 12. *Startup-dvizhenie v Belarusi poluchilo podderzhku PROON* [The startup movement in Belarus received support from UNDP]. Minsk, 2024. (In Russian). Available at: <https://officelife.media/news/58254-startap-dvizhenie-v-belarusi-poluchilo-podderzhku-proon-/> (accessed: 10.04.2026).
 13. Krupsky D.M. Proektnaya inicziativa BSPN im. Kunyavskogo : podvodim itogi, dumaem o budushhem [Project initiative of the Belarusian State Pedagogical University named after Kunyavsky: summing up, thinking about the future]. *Startup-dvizhenie – shans i soczial`ny`j lift dlya molodezhi Belarusi : prezentaciya* [Startup movement – a chance and social lift for the youth of Belarus]. Minsk, 2025 (In Russian). Available at: <https://bspn.by/index.php/home/novosti/4712-povysit-status-startap-dvizheniya>.

Received 15.04.2026

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Людмила Егоровна СОВИК

4 марта 2026 года после продолжительной и тяжелой болезни ушла из жизни член редакционной коллегии журнала «Экономика и банки» доктор экономических наук, профессор Людмила Егоровна Совик.

Вся профессиональная жизнь Людмилы Егоровны была посвящена экономической науке и практике. Окончив Гомельский государственный университет, она в 1980 году защитила кандидатскую диссертацию в Московском финансовом институте, а в 1989 году ей было присвоено ученое звание доцента.

Уникальное сочетание глубоких теоретических знаний и богатого управленческого опыта выделяло Л.Е. Совик среди коллег. В 1994-1999 годах она работала директором по экономике и финансам Белорусского металлургического завода, а затем занимала руководящие должности в российских компаниях – директора по финансам «Стройфлотинвест», генерального директора предприятия «Воронежрыба-Комплекс».

Вернувшись к академической деятельности, она посвятила более десяти лет работе профессором кафедры экономической безопасности и финансового мониторинга Воронежского государственного университета инженерных технологий (2004-2015). В 2014 году она блестяще защитила докторскую диссертацию в Юго-Западном государственном университете, посвященную концепции и методологии бизнес-мониторинга промышленных организаций.

С сентября 2015 года судьба Людмилы Егоровны была неразрывно связана с Полесским государственным университетом. Здесь она сначала возглавляла кафедру экономики и организации производства, а впоследствии, полностью посвятив себя научной и преподавательской работе, трудилась профессором кафедры экономики и бизнеса. В стенах нашего университета Л.Е. Совик руководила международным проектом в сфере развития предпринимательства и органического ягодного производства. Она стояла у истоков Концепции формирования регионального инновационно-промышленного кластера в области биотехнологий, экологической безопасности и «зеленой экономики», которая успешно реализуется ПолесГУ совместно с Министерством экономики и Пинским горисполкомом.

Научные интересы Л.Е. Совик – финансовый менеджмент, управление проектами, экономика предприятия – находили отражение в ее многочисленных трудах и активной работе в редакционной коллегии нашего журнала. Ее высочайший профессионализм, принципиальность и доброжелательность помогали поддерживать научный уровень издания и вдохновляли авторов.

Светлая память о Людмиле Егоровне Совик – крупном ученом, талантливом педагоге, мудром наставнике и прекрасном человеке – навсегда сохранится в сердцах коллег, учеников и всех, кто имел честь с ней работать.

Наталья Геннадьевна ПЕТРУКОВИЧ

28 января 2026 года на 42-м году жизни безвременно ушла из жизни кандидат экономических наук, доцент Наталья Геннадьевна Петрукович.

Вся профессиональная жизнь Натальи Геннадьевны была образцом служения экономической науке и банковскому образованию. Окончив Белорусский государственный экономический университет, она уже в 2010 году защитила в Санкт-Петербурге кандидатскую диссертацию на тему «Валютно-финансовая интеграция Республики Беларусь и Российской Федерации: тенденции и перспективы» по двум научным специальностям – «Финансы, денежное обращение и кредит» и «Мировая экономика», получив ученую степень кандидата экономических наук.

С 2010 года судьба Натальи Геннадьевны была неразрывно связана с Полесским государственным университетом. Здесь она прошла путь от доцента кафедры банковского дела до декана факультета банковского дела, а с 2013 года полностью сосредоточилась на научной и преподавательской работе в должности доцента кафедры банкинга и финансовых рынков. Блестящий педагог, она вела ключевые профильные курсы для студентов и магистрантов, занимаясь вопросами анализа деятельности банков и управления рисками.

Особую страницу в деятельности Н.Г. Петрукович занимала работа с молодыми исследователями. Она являлась бессменным руководителем студенческой научно-исследовательской лаборатории «Банкир». Под её чутким руководством студенты университета неизменно добивались высоких результатов, становясь лауреатами и призерами Республиканских конкурсов научных работ. Этот многолетний плодотворный труд по подготовке высококвалифицированных специалистов и успешное наставничество были по достоинству отмечены в июне 2025 года Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь.

Наталья Геннадьевна активно укрепляла связи университетского образования с реальным банковским бизнесом. Она плодотворно сотрудничала с крупнейшими финансовыми институтами страны – ОАО «Белагропромбанк», ОАО «АСБ Беларусбанк» и другими, организуя совместные научно-практические семинары и круглые столы. Её учебно-методические комплексы «Анализ деятельности банков», «Банковский риск-менеджмент», учебное пособие «Розничный бизнес в банковской сфере», а также многочисленные научные статьи по управлению банковскими рисками, развитию рынка платежных карточек и валютно-финансовой интеграции стали весомым вкладом в отечественную банковскую науку.

Уход Натальи Геннадьевны – невосполнимая потеря. Человек внутреннего достоинства, мыслящий и глубоко порядочный, она останется в нашей памяти как блестящий профессионал, преданный университету, отзывчивый коллега и педагог, умевший зажечь в студентах любовь к выбранному делу.

Редакция журнала «Экономика и банки», коллектив Полесского государственного университета скорбят вместе с родными и близкими и выражают им самые искренние соболезнования.

Технический редактор *С.В. Сухобокова*
Научный редактор *С.В. Сухобокова*

Подписано в печать 11.06.2026 г. Бумага типографская.
Формат 60×84/8. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 19,06. Уч.–изд. л. 13. Тираж 50. Заказ № 137

Отпечатано в учреждении образования
«Полесский государственный университет»
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23
Лицензия № 02330/473 от 16 июля 2015.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнале «Экономика и банки» публикуются оригинальные результаты исследований по экономическим и смежным наукам.

2. Текст научной статьи должен быть подготовлен согласно «Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации» (в редакции Постановления ВАК Республики Беларусь № 4 от 15.08.2007 г. с последующими изменениями и дополнениями). На первой странице помещаются: УДК, фотография автора (авторов), инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, ученое звание, должность, наименование организации, которую он представляет, название рукописи. Далее следуют (на русском языке): структурированное авторское резюме оригинальной научной статьи (200–250 слов); ключевые слова (не более десяти), позволяющие индексировать данную статью в международных базах; текст рукописи, включающий графики и другой иллюстративный материал, список обозначений, список литературы. Далее (на английском языке): фамилия автора (авторов) и инициалы (транслитерация), ученая степень, ученое звание, должность, наименование организации, название рукописи (перевод), «англоязычное», структурированное, оригинальное (не калька русскоязычного резюме) авторское резюме оригинальной научной статьи, ключевые слова (перевод), список литературы (References) на латинице (транслитерация и перевод).

Резюме обзорных статей могут не структурироваться, объем их должен составлять 150–200 слов.

Оригинальная научная статья должна содержать аннотацию (объем 250–500 знаков с пробелами) на русском и английском языках, в которой будет отражена научная новизна работы, ее отличительные особенности и достоинства. Для обзорных статей аннотация не требуется.

Статья должна сопровождаться справкой о проверке на оригинальность (не более 30% самоцитирования и правомерного заимствования).

Во введении должен быть дан краткий обзор литературы по данной проблеме, указаны не решенные ранее вопросы, сформулирована и обоснована цель работы и, если необходимо, указана ее связь с важными научными и практическими направлениями.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, аппаратуры, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками). Иллюстрации, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников (литература) оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте и даются порядковыми номерами в квадратных скобках (напр. [4]). При цитировании наряду со ссылкой на порядковый номер указывается страница (напр. [7, с.

15]). Ссылка на неопубликованные работы не допускается.

3. Общий объем статьи должен составлять, как правило, не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и другие) и не должен превышать 15 страниц формата А4. Все материалы представляются распечатанными на белой бумаге в 2 экземплярах через 1,5 интервала, кегль 14 и в электронном виде (на CD–R, RW диске или дискете 3,5 дюйма). Электронный вариант должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word (исключая MS Word 2007) шрифтом Times New Roman без нумерации страниц. Рисунки, графики, формулы и схемы делаются в совместимых форматах. Текст на рисунках должен быть соизмерим с размером рисунка. Греческие символы должны быть прямыми, латинские буквы набираются курсивом, специальные символы берутся из гарнитуры «Symbol». Размерность всех величин должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

4. Статьи принимаются и издаются на белорусском и русском языках. По согласованию с редакционной коллегией могут приниматься и издаваться статьи на других языках. На отдельном листе указываются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, организация, должность, адрес, телефон, электронная почта) на английском и русском языках. Аспиранты также должны указывать фамилию, инициалы, ученую степень и ученое звание научного руководителя. Статья сопровождается направлением учреждения, в котором выполнены исследования (выписка из протокола заседания кафедры), и экспертным заключением о возможности опубликования результатов исследования в открытой печати (для магистрантов, аспирантов, кандидатов наук).

5. По решению редколлегии статья направляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии и рассматривается на заседании редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята к печати. Переработанный вариант статьи снова рассматривается редколгией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право вносить в текст статьи редакционные правки. Материалы, не соответствующие требованиям редакции, к рассмотрению не принимаются.

6. Авторы статей несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями. Плата за опубликование научных статей в журнале не взимается. Редакция журнала не вступает в дискуссию с авторами по поводу рассмотрения отдельных работ (статей).

7. Авторы, чьи статьи будут опубликованы в журнале, автоматически дают согласие УО ПолесГУ на право использования электронных копий статей, в том числе право на размещение электронных копий статей в базах данных, представленных в виде научных информационных ресурсов сети Интернет, право на извлечение метаданных (название, автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) статьи и использование их для наполнения баз данных.

RULES FOR AUTHORS

1. The journal "Economy and Banks" includes original results of research on the economic and allied sciences.

2. The text of the scientific article should be prepared in accordance with the "Instructions for registration of dissertation, abstracts and publications on the topic of the thesis" (in the wording of the HAC of the Republic of Belarus № 4 of 15.08.2007, as amended and supplemented). On the first page put: UDC, Photo author (s), initials and surname of the author (s), academic degree, academic rank, position, name of the represented organization, the title of the publication. Followed by (in Russian): the author structured summary of the original scientific article (230–250 words); keywords (no more than ten), allowing to index this article in international databases; the text of the publication, including graphs and other illustrations, list of symbols, references. Then (in English): the name of the author(s) and initials (transliteration), academic degree, academic rank, position, name, title of the publication (translation), "English-speaking" structured, original (not tracing the Russian-language summary) copyright of the summary of the original scientific article, keywords (translation), references (References) in Latin (transliteration and translation).

The summary of the review articles may not be structured, but should be 150 to 200 words in length.

The original scientific article should contain an abstract (250–500 characters with spaces) in Russian and English, which will reflect the scientific novelty of the work, its distinctive features and advantages. The abstract is not required for the review articles.

The article must be accompanied by a certificate of originality check (no more than 30% self-citation and legitimate borrowing is allowed).

The introduction should be brief review of the literature on this issue, given in the previously unresolved issues, formulate and justify the purpose of work and, if necessary, indicate its connection with various scientific and practical areas.

The main part of the article should contain a description of the methodology, tools, research facilities and to cover fully the content of the research conducted by the author (authors). The obtained results shall be discussed in terms of their scientific novelty and compared with corresponding known data. The main part of the article can be divided into sub-sections (with explanatory titles). Illustrations, formulas, equations and footnotes found in the article should be numbered in accordance with the order of citation in the text.

The list of cited sources (literature) is to be made in accordance with GOST 7.1–2003 "Bibliographic record. The bibliographic description. General requirements and rules. «Links are numbered in the order of citation in the text and are given serial numbers in square brackets (eg. [4]). When quoting, along with the reference to the serial number indicate the page (eg. [7, p. 15]). References to unpublished

works are not allowed.

3. The total volume of the article should be, as a rule, not less than 0.35 copyright page (typed 14,000 characters, including spaces between words, punctuation, numbers, etc.) and should not be more than 15 A4 pages. All materials submitted to be printed on white paper 2 samples 1.5 spacing, font size 14 and in electronic form (on CD–R, RW drive or 3.5–inch floppy disk). The electronic version must be typed in text editor Microsoft Word (except for MS Word 2007), Times New Roman font without pagination. Figures, graphs, formulas and diagrams are to be made in compatible formats. The text in the figures must be commensurated with the size of the drawing. Greek characters should be straight; letters are typed in italics, special characters are of headsets «Symbol». The dimension of all sizes must comply with the International System of Units (SI).

4. Articles are accepted and published in Belarusian and Russian languages. In agreement with the editorial board articles in other languages may be received and published. A separate sheet shall contain information about authors (surname, first name, academic degree, title, organization, position, address, phone, e-mail) in English and Russian languages. Graduate students must also indicate the name, initials, academic degree and academic rank, scientific significance. The article is accompanied by the direction of the institution in which the research was carried out (extract from the minutes of the meeting of the department), and expert opinion on the possibility of publishing the results of studies in the press (for undergraduates, graduate students, PhDs).

5. By decision of the editorial board the article is sent for review, and then vised by member of the editorial board and is considered at a meeting of the editorial board. Returning to the article to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. The revised article is again considered by the Editorial Board. The date shall be the date of receipt edition issued the final version of the article. The editors reserve the right to make editorial changes in the article. Materials that do not meet the requirements of the editorial board, will not be accepted.

6. Authors of articles are responsible for the editorial direction in previously published papers or papers accepted for publication elsewhere. The fee for the publication of scientific articles in the journal will be charged. The editorial board does not enter into a discussion with the authors about the examination of individual works (articles).

7. The authors whose articles are published in the journal automatically give consent to Polesky State University for the right to use electronic copies of the articles, including the right to make electronic copies of articles in databases, presented in the form of scientific information resources of the Internet, the right to extract metadata (title, author (owner), annotation, bibliographical material and so on.) articles and use them to populate the database